

Стефан ЦВЕЙГ АМЕРИГО

В честь кого Америка названа Америкой?

На этот вопрос каждый школьник ответит быстро и не задумываясь: в честь Америго Веспуччи.

Но уже второй вопрос вызовет сомнение и колебания даже у взрослых: почему, собственно, эту часть света окрестили именем Америго Веспуччи? Потому, что Америку открыл Веспуччи? Он никогда ее не открывал! Или, быть может, потому, что он первым ступил уже не на прибрежные острова, а на самый материк? Нет! Первыми ступили на материк Колумб и Себастьян Кабот. Тогда, может быть, потому, что Веспуччи ложно утверждал, будто он высадился здесь первым? Веспуччи никогда и нигде не заявлял о своем праве первооткрывателя. Но, возможно, он как ученый и картограф предложил назвать эту землю своим именем просто из честолюбия? Нет, он никогда этого не делал и, вероятно, пока был жив, даже не подозревал, что эта новая земля названа его именем. Почему же как раз ему, который ничего не совершил, выпала такая честь, почему увековечено его имя? Почему Америка называется не Колумбией, а Америкой?

Это произошло из-за сумбурного переплетения случайностей, заблуждений и недоразумений, это история человека, который на основании никогда не совершенного путешествия – причем он сам никогда и не утверждал, что совершил его, – стяжал столь безмерную славу, что его имя стало наименованием четвертой части света. Вот уже четыре столетия название это удивляет и злит весь мир. И каждый раз Америго Веспуччи вновь обвиняют в том, что он вероломно добился подобной чести путем грязных и темных махинаций; каждый раз все новые научные инстанции рассматривают дело по обвинению Америго Веспуччи в «обмане, построенном на вымышленных или искаженных фактах». Одни оправдали Веспуччи, другие приговорили его к вечному позору, и чем неоспоримее защитники Веспуччи доказывают его невиновность, тем более страстно противники уличают его во лжи, подлогах и краже. Ныне эти споры со всеми их гипотезами, доказательствами и опровержениями составляют целую библиотеку; некоторые считают крестного отца Америки *amplificator mundi*¹, одним из великих людей, раздвинувших границы Земли, первооткрывателем, мореходом и большим ученым, а другие – самым отъявленным мошенником и лгуном, какого только знала история географии.

На чьей стороне правда или, выразимся осторожнее, наибольшая вероятность правды?

В наши дни дело Веспуччи давно уже перестало быть вопросом, интересующим узких специалистов-географов, или проблемой филологии. Это задача на сообразительность, игра, в которой каждый любопытствующий может испытать свои силы; к тому же условия игры легко понять: в ней мало фигур, потому что весь известный нам литературный труд Веспуччи, включая все документы, занимает в целом не более сорока – пятидесяти страниц. Поэтому и я счел возможным еще раз расставить фигуры и вновь, ход за ходом, разыграть эту знаменитую шахматную партию истории со всеми ее ошеломляющими и ошибочными построениями.

Единственное требование географического характера, которое моя работа предъявляет читателю, – это забыть все, что он знает о географии из наших больших атласов, и целиком выключить из своего сознания всякое представление о форме, образе, даже о самом существовании Америки. Лишь тот, кто в состоянии вполне представить себе мрак и сомнения той эпохи, сможет понять изумление и энтузиазм, охватившие целое поколение, когда в безбрежном дотоле пространстве начали обрисовываться первые контуры неведомой земли. Но если человечество обнаруживает нечто Новое, оно желает дать ему имя. И когда

¹ Расширившим мир (лат.).

человечество испытывает восхищение, оно стремится выразить его в ликующем возгласе. Это был счастливый день – ветер случайности неожиданно принес новое имя; и человечество, не спрашивая, справедливо то или нет, в нетерпении приняло звонкое, легкокрылое слово и приветствовало новый мир новым и навечно данным ему именем «Америка».

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА

*Anno*² 1000. Тяжелый, гнетущий сон сковал Западный мир. Глаза слишком устали, чтобы зорко смотреть вокруг, чувства слишком притуплены, чтобы проявлять любопытство. Дух человечества парализован, как после смертельно опасной болезни, человечество больше ничего не желает знать о мире, который оно населяет. И самое удивительное: все, что люди знали ранее, непонятным образом ими забыто. Разучились читать, писать, считать; даже короли и императоры Запада не в состоянии поставить свою подпись на пергаменте. Науки заостенели, стали мумиями богословия, рука смертного больше не способна изобразить в рисунке и изваять собственное тело. Непроницаемый туман затянул все горизонты. Никто больше не путешествует, никто ничего не знает о чужих краях; люди укрываются в замках и городах от диких племен, которые то и дело вторгаются с Востока. Живут в тесноте, живут в темноте, живут без дерзаний – тяжелый, гнетущий сон сковал Западный мир.

Иногда в этой тяжелой, гнетущей дремоте блеснет смутное воспоминание о том, что мир когда-то был другим – шире, красочнее, светлее, окрыленнее, был полон событиями и приключениями. Разве все эти страны не были прорезаны дорогами, разве не проходили по ним римские легионы, за которыми следовали ликторы, охранители порядка, мужи закона? Разве не существовал когда-то человек по имени Цезарь, завоевавший и Египет и Британию, разве не пересекали триремы [1] Средиземное море, достигая тех стран, куда уже давно из страха перед пиратами не отваживается плыть ни один корабль? Разве не добрался однажды некий царь Александр до Индии – этой легендарной страны – и не возвратился через Персию? Разве не было в прошлом мудрецов, умевших читать по звездам, мудрецов, которые знали, какую форму имеет Земля, и владели тайной человечества? Об этом следовало бы прочесть в книгах. Но книг нет. Нужно было бы попутешествовать, повидать чужие края. Но дорог нет. Все миновало. Может быть, все и было только сном.

Да и к чему стараться? К чему еще раз напрягать силы, когда все идет к концу. Возвещено, что в году 1000 наступит конец света. Бог наказал человечество за то, что оно слишком много грешило, проповедуют священники с амвонов, и первый день нового тысячелетия будет днем Страшного суда. Обезумевшие люди в разодранных одеждах, с горящими свечами в руках стекаются в огромные процессии. Крестьяне покидают поля, богатые продают и расточают свое имущество. Ведь завтра появятся они – всадники Апокалипсиса на своих бледных конях; день Страшного суда близится. Тысячи и тысячи верующих, преклонив колена, проводят эту последнюю ночь в церквах – они ждут, что их поглотит вечная тьма.

Anno 1100. Нет, мир не погиб. Бог снова смиростивился над человечеством. Оно может существовать и далее, чтобы свидетельствовать о божьем милосердии и величии. Надо благодарить бога за его милость. Надо, чтобы эта благодарность возносилась к небесам, как молитвенно воздетые руки. И вот вырастают соборы и храмы, эти каменные опоры молитвы. Надо доказать свою любовь к Христу, воплощению божьего милосердия. Можно ли долее терпеть, чтобы место его земных страданий и гроб господень оставались в нечестивых руках язычников? Вставайте, рыцари Запада, вставайте, верующие – все на Восток! Разве вы не слышали зова: «Так велит господь!» Выходите из замков, деревень, городов! Вперед и вперед! В крестовый поход через моря и земли.

² Год (лат.).

Anno 1200. Святой гроб господень отвоеван и вновь потерян. Напрасным был крестовый поход и все же не совсем напрасным. Потому что в этом походе Европа пробудилась. Она ощутила собственные силы, она измерила свое мужество, она вновь поняла, как много нового и неведомого ей существует в просторах божьего мира; иные края, иные плоды, иные ткани, и люди, и звери, и нравы под иными небесами. Изумленные, пристыженные рыцари, их крестьяне и слуги, побывав на Востоке, увидели, как тесно, как душно живут они сами в своем западном захолустье и как богато, как утонченно, как пышно живут сарацины. У этих язычников, которых жители Запада презирали из своего далека, есть блестящие, мягкие, легкие ткани из индийского шелка и пушистые, сверкающие всеми красками бухарские ковры; у них есть пряности, и корни, и благовония, которые возбуждают и окрыляют чувства; их корабли достигают отдаленнейших стран и привозят оттуда рабов, и жемчуг, и драгоценные руды; их караваны бредут по нескончаемым дорогам. Их не назовешь грубыми неучами, этих людей Востока, – говорят, что они постигли тайну Земли; у них есть карты и таблицы, где все записано и обозначено; у них есть мудрецы, которым ведомы пути небесных светил и законы их движения. Люди эти завоевали земли и моря, присвоили себе все богатства, всю торговлю, все наслаждения жизни, а ведь как воины они не лучше немецких и французских рыцарей.

Как же они добились этого? Они учились. У них есть школы, а в школах – рукописи, в которых повествуется обо всем и все объяснено; они постигли мудрость древних ученых Запада и приумножили ее новыми познаниями. Значит, чтобы завоевать мир, надо учиться. Не растрчивать свои силы в турнирах и беспутных кутежах, но отточить свой ум, сделать его гибким и быстрым, как толедский клинок. Итак, надо учиться, наблюдать, изучать, размышлять! В нетерпеливом соперничестве один за другим открываются университеты – в Сиене [2] и Саламанке, в Оксфорде и Тулузе, каждая страна в Европе хочет быть первой в овладении наукой; после столетий равнодушия человек Запада снова пытается проникнуть в тайны Земли, неба и человечества.

1300. Европа сорвала богословский капюшон, который заслонял от нее мир. Нет никакого смысла вечно размышлять лишь о боге, нет смысла в том, чтобы вновь и вновь схоластически истолковывать и обсуждать старые тексты. Бог – творец всего и, создав человека по образу и подобию своему, хочет, чтобы человек был существом творческим. Во всех искусствах, во всех науках еще живы образцы, оставленные в наследство греками и римлянами; может быть, удастся сравняться с ними и снова научиться тому, что некогда умели древние, может быть, даже превзойти древних. И Запад снова охвачен дерзанием. Вновь начинают слагать стихи, рисовать, философствовать, и посмотрите-ка – получается. Чудесно получается. Появились и Данте, и Джотто, и Роджер Бэкон, и зодчие, воздвигающие храмы. Едва взмахнув крыльями, давно отвыкшими от полета, освобожденный дух человека уносится в беспредельные дали.

Но почему земля по-прежнему так тесна? Почему земной географический простор так ограничен? Со всех сторон море, и море, и море, омывающее все берега, неизвестное, неприступное, – этот необозримый океан, «*Ultra nemo scit quid contineatur*»³, о котором никто не знает, что он таит. Единственный путь в сказочные страны Индии ведет на юг, через Египет, но путь этот закрыли язычники. А за столпы Геркулеса, через Гибралтарский пролив, никто из смертных пройти не смеет. Вечно будет этот пролив, по словам Данте, пределом для всех исканий:

...quelia roce stretta
Ov'Ercole segn? li suoi riguardi

³ Никто не ведает, что лежит за ним (лат.).

Увы, нет никакого пути туда, в «mare tenebrosum» ⁵, ни один корабль, устремивший свой бег в эту таинственную пустыню, не возвратится из нее. Человек принужден жить в неведомом ему пространстве; он замкнут в мире, пределы и облик которого ему, пожалуй, никогда не познать.

1298. Два старых, бородатых человека, сопровождаемые юношей, вероятно, сыном одного из них, сошли с корабля в Венеции. На них странная одежда, какой никогда еще не видывали на Риальто, – длинные камзолы из толстого сукна, отороченные мехом, редкостные украшения. Но еще удивительнее: эти трое чужеземцев говорят на чистейшем венецианском наречии и утверждают, что они венецианцы; зовут их Поло, младшего же – Марко Поло. Конечно, нельзя верить тому, что они рассказывают. Свыше двух десятилетий назад они якобы уехали из Венеции и через Московские владения, через Армению и Туркестан доехали до Манги – до Китая, где жили при дворе могущественного из властителей мира – Кубла-хана [3]. Они якобы прошли через все его огромное государство, по сравнению с которым Италия – словно цветок гвоздики рядом с деревом. Они дошли до края света, где снова увидели океан. И когда великий хан после долгих лет службы, богато одарив венецианцев, отпустил их домой, они отправились по этому океану на родину, прошли сперва мимо Зипангу и «Островов пряностей», затем мимо большого острова Тапробан (Цейлон) [4], проплыли вдоль побережья Персидского залива и через Трапезунд благополучно вернулись в Венецию.

Венецианцы слушают и смеются. Презабавно врут все трое! Еще ни об одном христианине нельзя было с уверенностью сказать, что он достиг океана на другом конце Земли и побывал на островах Зипангу и Тапробан? Невероятно. Но братья Поло приглашают в свой дом гостей и показывают им подарки и драгоценные камни; и те, кто раньше так необдуманно сомневался, с изумлением убеждаются, что их соотечественники совершили самое смелое открытие своего времени. Шумная слава братьев Поло разносится по всему Западу. Она вновь окрыляет надежду: значит, можно все-таки добраться до Индии. Можно достичь этих богатейших областей Земли и оттуда стремиться дальше, на другой конец света.

1400. Добраться до Индии – это стало мечтой столетия. И мечтой всей жизни одного человека – принца Энрике Португальского, известного в истории под именем Генриха Мореплавателя, хоть сам он никогда не бывал в дальних океанских плаваниях. Но вся жизнь и стремление Энрике подчинены этой единственной мечте – *passar a donde nascen las especerias* – достичь индийских островов, достичь Молукков, где растут драгоценные пряности: корица, и перец, и инбирь, что ценятся итальянскими и фландрскими купцами на вес золота. Но оттоманы [5] заперли Красное море – этот ближайший путь, – не пропуская «руми» [6] – неверных, и захватили монополию на доходную торговлю. Разве не было бы выгодным и вместе с тем христианским, крестоносным делом нанести врагам Запада удар в спину? Нельзя ли объехать Африку, чтобы добраться до «Островов пряностей»? Ведь в старых книгах содержатся любопытные сведения о финикийском корабле, который сотни лет назад, выйдя из Красного моря, обогнул Африку и после двухгодичного плавания вернулся в Карфаген, на родину. Не удастся ли это еще раз?

Принц Энрике собирает вокруг себя ученых. В самой западной точке Португалии, на мысе Сагриш, там, где у скалистых берегов пенится прибоем беспредельный Атлантический океан, Энрике построил дом и собирает у себя географические карты и различные сведения

⁴ [Войдя в] пролив, в том дальнем месте света,

⁵ Море тьмы (лат.).

по навигации; он призвал к себе астрономов и кормчих. Старые ученые утверждают, что морской путь через экватор невозможен. Они ссылаются на мудрецов древности, на Аристотеля и Страбона, на Птолемея. Вблизи экватора, уверяют они, море сгущается, становится *mare pigrum*⁶, и корабли могут сгореть в отвесных солнечных лучах. Никто не в состоянии жить в тех местах, там не растут ни деревья, ни травы; мореплавателям суждено погибнуть от жары в море и от голода на суше.

Но есть и другие ученые – еврейские и арабские, – они возражают. Надо бы отважиться. Эти небылицы распускают мавританские купцы, чтобы запугать христиан. Великий географ Идриси [7] уже давно установил, что на юге лежит плодородная земля Билад Гана (Гвинея), откуда караваны мавров, пересекая пустыню, привозят черных рабов. Ученые утверждают, что видели карты, арабские карты, на которых был обозначен путь вокруг Африки. Теперь, когда новые приборы позволяют определять широты, а завезенная из Китая магнитная игла указывает направление к полюсу, можно попытаться пройти вдоль побережья. Можно отважиться, если построить корабли покрупнее и понадежнее. Принц Энрике отдает приказ. И великое дерзание начинается.

1450. Началось великое дерзание, бессмертный португальский подвиг. В 1419 году открыта, или, вернее, открыта вновь, Мадейра, а в 1435-м находят давно разыскиваемые «*Insulae Fortunatae*» – «Счастливые острова» [8] древних. Почти каждый год приносит новые успехи. Обогнули мыс Верду – Зеленый Мыс, в 1445-м достигли Сенегала, и посмотрите-ка – всюду пальмы, и плоды, и люди. Теперь новое время уже знает больше, чем мудрецы древности, и Нуњу Триштан [9] может торжествующе сообщить, что он в своем плавании «с дозволения его милости Птолемея» открыл плодородный край там, где великий грек начисто отвергал всякую возможность жизни. Впервые за тысячелетие мореплаватель осмеливается с насмешкой говорить о всеведущем мудреце-географе. Новые герои превосходят один другого – Дьогу Кам и Диниш Диаш [10], Кадамосто и Нуњу Триштан, каждый из них высаживается на дотоле неприступном берегу и водружает горделивый мемориальный камень с португальским крестом в знак присоединения этой земли к Португалии. Мир с изумлением следит за успехами маленького народа, продвигающегося в неведомых просторах, – народа, который собственными силами совершает то, «чего никто еще не совершал», – «*feito nunca feito*».

1486. Победа! Обогнули Африку! Бартоломеу Диаш обошел мыс Торментозо (мыс Доброй Надежды). Дальше путь идет не на юг. Теперь необходимо править только на восток, через океан, с попутным муссоном, в направлении, уже известном по картам, которые привезли португальскому королю два еврея, посланных им к христианскому царю Абиссинии, пресвитеру Иоанну, и тогда можно достигнуть Индии. Но команда Бартоломеу Диаша изнурена и лишает его возможности совершить подвиг, который впоследствии прославит Васко да Гаму. На сей раз довольно! Путь найден. Никому больше не опередить Португалии.

1492. И все же Португалию опередили! Произошло нечто невероятное. Некий Колон, или Колом, или Коломбо, «*Christophorus quidam Colonus vir Ligurus*»⁷, как сообщает Петр Мартир, по другому же сообщению, «совершенно неизвестный человек» – «*und persona qui pingua persona conoscia*» – отправился под испанским флагом в открытый океан – на запад, вместо того чтобы идти восточным путем вокруг Африки, и – чудо из чудес! – «этим кратчайшим путем» – «*brevissimo cammino*» – достиг, по его свидетельству, Индии. Правда, ему не довелось повидать Кубла-хана, о котором рассказывал Марко Поло, но, по его словам, он дошел сперва до острова Зипангу (Япония), а затем высадился в Манги (Китай). Еще несколько дней плаванья – и он достиг бы Ганга.

⁶ Медленно текущим морем (лат.).

⁷ Некто Кристофор Колон, лигуриец, то есть генуэзец (лат.).

Европа удивлена: Колумб вернулся с диковинными краснокожими индейцами, попугаями, редкостными животными и с бесконечными рассказами о золоте. Странно, странно: значит, земной шар все же меньше, чем думали, значит, Тосканелли говорил правду. Из Испании и Португалии надо плыть на запад всего лишь три недели, чтобы достичь Китая или Японии, а там до «Островов пряностей» рукой подать; значит, просто глупо странствовать по полугоду вокруг Африки, как это делают португальцы, раз Индия со всеми ее сокровищами лежит так близко от Испании. И вот Испания прежде всего обеспечивает себя папской буллой, которая закрепляет за нею не только путь на Запад, но и все открытые на этом пути земли.

1493. Колумб – теперь уже не «некто» – «quidam», – он великий адмирал ее королевского величества и вице-король вновь открытых провинций. Колумб вторично отправляется в Индию. Он везет с собой письма королевы Испании великому хану, которого на сей раз твердо надеется застать в Китае; его сопровождает тысяча пятьсот человек – воины, матросы, поселенцы и даже музыканты, «чтобы развлекать туземцев». Он везет с собой окованные железом сундуки для золота и драгоценных камней, которые собирается привезти домой из Зипангу и Каликута.

1497. Другой мореплаватель, Себастьян Кабот, отправился через океан от берегов Англии. И удивительно, он тоже достиг материка. Неужели это древний «Винланд», который знали викинги? Или Китай? Во всяком случае, чудесно, что океан, это «mare tenebrosum»⁸, покорен и вынужден теперь раскрывать отважным свои тайны одну за другой.

1499. Торжество в Португалии, сенсация в Европе! Васко да Гама возвратился из Индии, обогнув опасный мыс Доброй Надежды. Он выбрал другой путь, более далекий и трудный, но высадился на берег около Каликута, посетил сказочно богатых «заморинов», и – не в пример Колумбу, побывавшему только на мелких островах и в наиболее уединенных местах материка, – видел самое сердце Индии и ее сокровищницы. И вот уже снаряжают другую экспедицию, ее возглавит Кабрал. Испания и Португалия соперничают, кто раньше окажется в Индии.

1500. Новое событие. Кабрал на своем пути вокруг Африки слишком далеко отклонился на запад и снова столкнулся с материком на юге, так же как Кабот на севере. Что же это – Антилия, легендарный остров старых карт? Или это опять Индия?

1502. Происходит столько событий, что их не обозреть и не постичь; за десять лет открыто больше, чем за тысячелетие. Один за другим корабли выходят из гаваней, и каждый привозит домой новые вести. словно прорвали вдруг заколдованную пелену; всюду – на севере, на юге – открываются земли. Каждый корабль, плывущий на запад, находит новый остров. В календаре со всеми его святыми уже не хватает имен, чтобы дать названия всем открытиям. Тысячи таких островов, по уверению адмирала Колумба, открыл он сам, своими глазами видел реки, берущие начало в раю. Но странно, странно! Почему же все эти острова, все эти диковинные страны индийского побережья были неведомы ни древним, ни арабам? Почему об этих странах не упоминает Марко Поло, а то, что он сообщает о Зипангу и Зайтуне [11], совсем непохоже на то, что видел адмирал? Все так сумбурно, так противоречиво, все полно тайны – и, право, не знаешь, чему верить об этих островах на Западе. Неужели и впрямь уже объехали вокруг света, неужели Колумб действительно был так близок от Ганга, как он уверяет, и мог бы, продолжая путь на запад, встретиться с Васко да Гамой, если бы тот шел на восток? Земной шар! Меньше он или больше, чем считали раньше?.. Благодаря немецким печатникам книги теперь так легко достать. Хоть бы кто-нибудь объяснил все эти чудеса! С нетерпением ждут ученые, мореплаватели, купцы, князья, ждет вся Европа. Человечество хочет, наконец, после этих всех открытий знать, что же оно открыло. Решающее деяние века – это чувствует каждый – совершено, но люди еще не понимают его смысла и значения.

⁸ Мрачное море (лат.).

ЗА ТРИДЦАТЬ ДВЕ СТРАНИЦЫ – БЕССМЕРТИЕ

1503. В самых различных городах – в Париже, во Флоренции, неизвестно где раньше, но почти повсюду одновременно – замелькало пять-шесть отпечатанных листов, озаглавленных: «Mundus Novus»⁹. Автором этого трактата, написанного по-латыни, называют некоего Альберика Веспучия, или Веспутя, который в форме письма к Лаврентию Петру Франциску Медичи [12] сообщает об одном путешествии, предпринятом им по поручению короля Португалии в дотоле неизвестные страны. Такие письменные сообщения о новых открытиях были в те времена нередки. Все крупные торговые дома Германии, Голландии, Италии – Вельзеры, Фуггеры, Медичи – и, кроме того, Синьория [13] Венеции имеют своих корреспондентов в Лисабоне и Севилье, которые в целях деловой информации шлют сведения о каждой успешной экспедиции в Индию. Письма этих торговых агентов, сообщающих, по сути, о коммерческих тайнах, весьма ценятся, и копии этих писем, так же как и карты-портуланы вновь открытых берегов, считаются дорогим товаром. Иной раз одна из таких копий попадает в руки предприимчивого книгоиздателя, и он ее немедленно размножает. Эти листы, заменявшие широкой публике еще неизвестные в те времена газеты, сообщают интересные новости. Их продают на ярмарках так же, как медицинские рецепты и индульгенции. Друг вкладывает эти листы в письмо или посылку к другу, и, таким образом, то, что первоначально было частным письмом маклера к своему шефу, становится достоянием гласности, как напечатанная книга.

Из всех этих листов того времени, начиная с первого письма Колумба от 1493 года, в котором он сообщал о своем прибытии на острова «близ Ганга», ни один не вызвал такого всеобщего интереса, таких серьезных последствий, как четыре листа дотоле совершенно неизвестного Альберика. Уже самый текст сообщал нечто из ряда вон выходящее. Письмо это было переведено *ex italica in latinam linguam*, то есть с итальянского на латинский язык, «дабы все образованные люди знали, сколько замечательных открытий совершено в эти дни» (*quam multa miranda in dies reperiantur*), сколько неизвестных миров обнаружено и чем они богаты (*quanto a tanto tempore quo mundus cepit ignota sit vastitas terrae et quod continetur in ea*). Уже одно это крикливое, зазывающее заглавие служит лакомой приманкой для всех жадно ожидающих новостей. Маленькую книжонку бойко раскупают. Ее многократно перепечатывают в самых отдаленных городах, переводят на немецкий, голландский, французский, итальянский языки и сразу же включают в сборники отчетов о путешествиях, которые выходят теперь на всех языках; она становится межевым и даже, пожалуй, краеугольным камнем новой географии, о которой мир еще ничего не знает.

Большой успех маленькой книжонки совершенно понятен. Ведь неизвестный Веспутий, первый из всех этих мореплавателей, умеет так хорошо и увлекательно рассказывать. Обычно на кораблях искателей приключений собираются неграмотные морские бродяги, солдаты и матросы, не умеющие даже поставить собственной подписи, и только изредка попадается «эскривано» – сухой юрист-грамотей, равнодушно нанизывающий факты, или кормчий, отмечающий градусы широты и долготы. Поэтому большинство людей на рубеже XV-XVI веков еще ничего не знает о том, что же, собственно говоря, скрыто в этих далеких краях. Но вот появляется заслуживающий доверия и даже ученый человек, который не преувеличивает, не сочиняет, а честно рассказывает, как 14 мая 1501 года по поручению португальского короля он прошел океан и два месяца и два дня находился под небом, таким черным и грозным, что не было видно ни солнца, ни луны. Он дает возможность читателю живо представить себе все ужасы и страхи, описывая, как он и его спутники потеряли всякую надежду благополучно достичь берега на своих дырявых, источенных червями кораблях, но благодаря его опыту космографа 7 августа 1501 года – в

⁹ Новый Свет (лат.).

других сообщениях приводится другая дата, однако к таким неточностям у этого ученого человека надо привыкнуть – они наконец увидели землю, и что это была за благословенная земля! Тяжкий труд местным жителям неведом. Деревья не требуют ухода и приносят обильные плоды; реки и источники полны прозрачной, вкусной воды; море богато рыбой; исключительно плодородная земля родит сочные и совершенно неизвестные фрукты; прохладные бризы овевают эту щедрую землю, а густые леса делают приятными даже самые знойные дни. Здесь водятся тысячи разных животных и птиц, о существовании которых Птолемей не имел и понятия. Люди живут в первобытной невинности; у них красноватый цвет кожи, потому что, объясняет путешественник, они с рождения и до самой смерти ходят нагими и загорели на солнце; у них нет ни одежды, ни украшений, ни вообще какого-либо имущества. Всем, что у них есть, они владеют сообща; также и женщинами, о доступности и страстности которых ученый господин рассказывает довольно пикантные анекдоты. Стыд и законы морали совершенно чужды этим детям природы; отец спит с дочерью, брат – с сестрой, сын – с матерью; никаких эдиповых комплексов [14], никаких стеснений, и все же эти люди могут дожить до ста пятидесяти лет, если – единственная их неблагоприятная особенность – не будут по-каннибальски съедены. Короче говоря, «ежели где-либо существует земной рай, то, видимо, недалеко отсюда». Прежде чем распрощаться с Бразилией, ибо это и есть описываемый им рай, Веспутий подробно рассказывает о красоте звезд, которые в иных образах и в иных созвездиях светят на этом благословенном южном небе, и обещает позже сообщить в книге еще многое как о данном, так и о других своих путешествиях, «дабы память о нем дошла до потомков» (*ut mei recordatio apud posteros vivat*), «дабы и в этой доселе неизвестной части созданной богом земли познать дивные деянья господни».

Можно понять интерес, вызванный у современников таким живым и красочным рассказом. Потому что он не только возбуждал и одновременно удовлетворял любопытство, вызываемое этими незнакомыми землями, но одной своей фразой о том, что «земной рай, ежели он где-либо существует, то, видимо, недалеко отсюда», этот Веспутий невольно коснулся самой сокровенной надежды своей эпохи. Уже давно отцы церкви, особенно греческие богословы, выдвинули тезис, что бог после грехопадения Адама отнюдь не разрушил рая. Он только перенес его на «противоположную землю», в недостижимое для людей пространство. Эта «противоположная земля», согласно богословской мифологии, должна находиться за океаном, то есть за пределами, недоступными для смертных. Но теперь, когда благодаря отваге первооткрывателей пересечен этот доселе непреодолимый океан и достигнуто полушарие, над которым светят иные звезды, теперь, быть может, осуществится наконец давнишняя мечта человечества и рай будет обретен снова?

Естественно, что описание безгрешного мира, который видел Веспутий, так удивительно совпадающее с представлением о мире до грехопадения, волнует людей того времени, живущих, подобно нам, под вечной угрозой катастроф. В Германии начинают объединяться крестьяне [15], не желающие больше терпеть барщину, в Испании свирепствует инквизиция и не оставляет в покое даже самых благонамеренных, в Италии и Франции бушуют войны. Тысячи и сотни тысяч людей, устав от ежедневных тягот, из одного отвращения к этому мятущемуся миру бегут в монастыри; нигде нет покоя, отдыха, нет мира для «простого человека», который не ищет ничего другого, кроме неприметного, ничем не тревожимого существования. Но вот внезапно из города в город перелетают несколько узких листов бумаги и приносят весть о том, что надежный человек – не мошенник, не проходимец, не лгун, а ученый, посланный португальским королем, – открыл где-то далеко, за пределами досягаемости, новую страну, в которой еще можно обрести мир для людей. Страну, где жизнь человека не омрачена борьбой за деньги, за собственность, за власть. Страну, где нет ни князей, ни королей, ни кровососов-крепостников, страну, где не надо работать до кровавых мозолей, чтобы добыть хлеб насущный, где земля щедра и кормит людей, где человек человеку не извечный враг. Эту древнюю религиозную мессианскую

надежду разжег своим рассказом какой-то неизвестный Веспутий, он затронул одно из самых глубоких стремлений человечества – мечту об освобождении от власти традиций, денег, законов и собственности, извечную, неутолимую жажду к не отягощенной трудом и ответственностью жизни, мечту, которая брезжит в каждой человеческой душе, подобно смутному воспоминанию о рае.

Именно это обстоятельство, видимо, придало нескольким плохо отпечатанным листкам такую значительность и действенность, что они во много раз превзошли все другие сообщения, в том числе и донесения Колумба; но и слава и всемирно-историческая роль этих маленьких листов основаны не на их содержании, не на воодушевлении, вызванном ими у современников. Главным событием, как это ни странно, было даже не само письмо, а его заголовок, два слова, четыре слога «Mundus Novus», которые произвели ни с чем не сравнимую революцию в представлении человека о Земле. До этого часа Европа считала самым крупным географическим событием эпохи то, что Индии, страны сокровищ и пряностей, достигли в течение одного десятилетия, следуя двумя различными маршрутами: Васко да Гама – двигаясь на восток, вокруг Африки, и Христофор Колумб – двигаясь на запад, через никем дотоле не пересеченный океан. В Европе с изумлением рассматривали сокровища, которые Васко да Гама привез домой из дворцов Каликута, с любопытством слушали рассказы о многочисленных островах, открытых великим адмиралом испанской королевы Христофором Колумбом у побережья, которое он считал побережьем Китая. Значит, Колумб, судя по его восторженному сообщению, тоже побывал в стране великого хана, описанной Марко Поло; теперь, казалось, обошли вокруг света и с двух сторон добрались до Индии, которая была недостижима в течение тысячелетия.

Но вот появляется другой мореплаватель, какой-то удивительный Альберик, и сообщает нечто еще более поразительное. Оказывается, земля, которой он достиг по пути на запад, вовсе не Индия, а совершенно неизвестная страна между Азией и Европой и, следовательно, новая часть света. Веспутий так и пишет, что области, открытые им по поручению португальского короля, можно с уверенностью назвать Новым Светом, «Novum Mundum appellare licet» – и подробно обосновывает свое мнение: «Никто из наших предков не имел ни малейшего понятия о странах, которые мы видели, и о том, что в них находится; наши знания далеко превзошли знания предков. Большинство из них полагало, что южнее экватора нет материка, а только беспредельный океан, который они называли Атлантическим; и даже те, кто считал возможным наличие здесь материка, по разным причинам придерживались мнения, что он не может быть обитаем. Теперь мое плавание доказало, что такой взгляд неверен и резко противоречит действительности, ибо южнее экватора я обнаружил материк, где некоторые долины гораздо гуще населены людьми и животными, нежели в нашей Европе, Азии и Африке, к тому же там более приятный и мягкий климат, чем в других знакомых нам частях света».

Эти скупые, но полные уверенности строки делают «Mundus Novus» памятным документом человечества; в них заключена первая Декларация о независимости Америки, написанная за двести семьдесят лет до второй. Колумб до своего смертного часа был слепо уверен в том, что, высадившись на островах Гуанахани [16] и Кубу, ступил на землю Индии, и этим своим заблуждением он, по существу, сузил для своих современников вселенную; и лишь Веспуччи, опровергая предположение, будто бы новый материк является Индией, и с уверенностью утверждая, что это – новый мир, дает другие, действительные и донны масштабы вселенной. Веспуччи снимает пелену, заслонявшую от взора ее великого открывателя Колумба все значение его собственного подвига, и хоть сам Веспуччи даже отдаленно не подозревал, каковы действительные размеры этого материка, он по крайней мере понял самостоятельное значение его южной части. В этом смысле Веспуччи действительно завершил открытие Америки, ибо каждое открытие, каждое изобретение становится ценным не только благодаря тому, кто его совершил, но еще больше благодаря тому, кто раскрыл его истинный смысл и действенную силу; если Колумбу принадлежит

заслуга подвига, то Веспуччи благодаря этому его высказыванию принадлежит историческая заслуга осмысливания подвига. Подобно толкователю снов, он сделал зримым то, что его предшественник открыл, блуждая во сне.

Велико радостное изумление, вызванное сообщением этого дотоле неизвестного Веспутя, оно поражает воображение людей того времени даже глубже и устойчивее, чем самое открытие генуэзца. Весть о том, что найден новый путь в Индию и что можно, отправившись из Испании, достичь стран, давно описанных Марко Поло, увлекла более широкими торговыми возможностями лишь небольшой круг непосредственно заинтересованных людей: купцов и торговцев Антверпена, Аугсбурга, Венеции, которые уже усердно высчитали, по какому пути – на восток ли, как Васко да Гама, или на запад, как Колумб, – выгоднее послать корабли за пряностями, перцем и корицей. Сообщение этого Альберика о том, что среди океана найдена новая часть света, действует на воображение широких масс с непреодолимой силой. Не легендарный ли то остров древних, Атлантида? А может быть, это блаженные острова Алкионы? У людей того времени удивительно возросла уверенность в своих силах благодаря сознанию, что Земля куда более обширна и богата неожиданностями, чем предполагали даже самые мудрые мужи древности, и что именно они, их поколение, призваны раскрыть последние тайны нашей планеты. Понятно, с каким нетерпением ученые, географы, космографы, печатники, а за ними вся огромная масса читателей ждут, когда же этот никому не ведомый Альберик выполнит свое обещание и подробнее расскажет о своих исследованиях и путешествиях, которые впервые дадут человечеству правильное представление о размерах земного шара.

Нетерпеливым не пришлось долго ждать. Двумя-тремя годами позже один флорентийский печатник, предусмотрительно скрывший свое имя – впоследствии нам станет ясно, по каким причинам, – выпустил в свет тоненькую брошюрку в шестнадцать страниц на итальянском языке. Она озаглавлена: «Lettera di Am?rigo Vespucci delle isole nuovamente trovate in quattro suoi viaggi» (Письмо Америго Веспуччи об островах, открытых им во время его четырех путешествий), и в конце сказано: «Data in Lisbona a di 4 settembre 1504, Servitore Am?rigo Vespucci in Lisbona»¹⁰.

Уже из одного заглавия мир наконец узнает побольше об этом таинственном человеке. Во-первых, его зовут Америго, а не Альберик, и Веспуччи, а не Веспутий. Из предисловия, адресованного некоему влиятельному лицу, явствуют другие подробности жизни автора. Веспуччи сообщает, что родился во Флоренции и направился в Испанию в качестве торговца (*per tractare mercantie*). Четыре года занимался он торговлей и за это время убедился, что счастье изменчиво, «что свои преходящие и непрочные блага оно дарит неравномерно и возносит человека на вершину лишь для того, чтобы тут же низвергнуть его оттуда и лишить всех, так сказать, временно одолженных ему благ». Но так как он вместе с тем увидел, с какими опасностями и трудностями сопряжена охота за прибылями, то он решил отказаться от торговли и посвятить себя более высокой и благородной цели, а именно посмотреть на мир и его чудеса (*mi disposi d'andare a vedere parte del mondo e le sue maraviglie*¹¹). Для этого представилась благоприятная возможность. Король Кастилии снарядил для открытия новой земли на западе четыре корабля, и ему, Веспуччи, разрешили ехать с этой флотилией, чтобы «содействовать открытию» (*per aiutare a discoprire*). Но Веспуччи сообщает не только об этом: первом своем путешествии, но и о трех других (уже описанных в «Mundus Novus»). Он предпринял следующие путешествия – важна хронология:

первое – с 10 мая 1497 по 15 октября 1498 под испанским флагом;

второе – с 16 мая 1499 по 8 сентября 1500, тоже по повелению короля Кастилии;

¹⁰ Написано в Лисабоне, 4 сентября 1504, Америго Веспуччи, служащим в Лисабоне (итал.).

¹¹ Мне захотелось путешествовать, чтобы повидать часть мира и его чудеса (лат.).

третье (*Mundus Novus*) – с 10 мая 1501 по 15 октября 1502 под португальским флагом; четвертое – с 10 мая 1503 по 18 июня 1504, тоже по заданию португальцев ¹².

Эти четыре путешествия ввели неизвестного купца в ряды великих мореходов и первооткрывателей своего времени.

Кому адресовано «Lettera», письмо о четырех путешествиях, в первом издании не указано; лишь в более поздних сообщается, что оно было послано гонфалоньеру – правителю Флоренции Пьетро Содерини [17], чему, однако, до сегодняшнего дня нет точного доказательства: в литературной продукции Веспуччи впоследствии обнаружится много неясностей. Впрочем, за исключением нескольких риторических упражнений в вежливости, которыми начинается письмо, его форма так же легка и увлекательна, а содержание так же многообразно, как и в «*Mundus Novus*».

Веспуччи не только приводит новые подробности об «эпикурейской жизни» неизвестных народов, но ярко описывает битвы, кораблекрушения, драматические столкновения с каннибалами и гигантскими змеями; сведения о многих животных и предметах обихода (например, о гамаке) впервые вошли в историю культуры по его описаниям. Географы, астрономы, купцы находят у него ценные сведения, ученые – ряд тезисов, которые они могут обсуждать и истолковывать, не остается в накладе и широкая масса просто любопытных. В заключение Веспуччи обещает, что когда заживет на покое в своем родном городе, то закончит большой и, собственно, свой основной труд о новых частях света.

Но Веспуччи так и не приступил к этому большому сочинению или, может быть, оно до нас не дошло, так же как и его дневники. Таким образом, тридцать две страницы (из которых описание третьего путешествия представляет собой лишь вариант «*Mundus Novus*») – вот все литературное наследие Америго Веспуччи, крохотный и не слишком ценный багаж для дороги в бессмертие. Можно без преувеличения сказать: никогда еще человек, написавший так мало, не становился так знаменит; надо было нагромоздиться случайности на случайность, ошибке на ошибку, дабы поднять это произведение столь высоко над его эпохой, чтобы и наш век сохранил это имя, которое вместе со звездным знаменем взлетает к звездам.

Первая случайность и одновременно первая же ошибка вскоре приходят на помощь этим не имеющим особого значения тридцати двум страницам. Предприимчивый итальянский печатник еще в 1504 году правильно почуял, что время благоприятствует выпуску сборника рассказов о путешествиях. Венецианец Альбертино Верчеллезе впервые собирает в один томик все отчеты о путешествиях, попадающихся ему на глаза. Эта *Libretto de tutta la navigazione del R? de Spagna e terreni nuovamente trovati* ¹³, включающая рассказы о плаваниях Кадамосто и Васко да Гамы, а также о первом плавании Колумба, находит такой хороший сбыт, что в 1507 году другой печатник решается издать в Виченце более объемистую (в 126 страниц) антологию (под редакцией Дзордзи и Монтальбодо), которая содержит описания португальских экспедиций Кадамосто, Васко да Гамы, Кабрала, первых трех плаваний Колумба и «*Mundus Novus*» Веспуччи. Роковым образом издатель антологии не находит для нее лучшего заглавия, чем «*Mondo novo e paesi nuovamente ritrovati da Alberico Vesputio fiorentino*» («Новый Свет и новые страны, открытые Альберико Веспуччи из Флоренции»).

С этого и начинается великая «Комедия ошибок». В заглавии антологии кроется опасная двусмысленность: оно позволяет думать, будто Веспуччи не только назвал Новым

¹² Следует отметить, что эта хронология дается в одном из изданий письма Веспуччи и не соответствует другим изданиям и сохранившимся документам.

¹³ Книжница обо всех плаваниях короля Испании и вновь открытых землях (итал.).

Светом все новые страны, но и сам все эти новые страны открыл; всякий, кто лишь бегло взглянет на титульный лист антологии, невольно впадет в такую ошибку. И вот эта книга, многократно переиздаваемая, проходит через тысячи рук и с опасной быстротой разносит все дальше ложное сообщение, будто бы Веспуччи и есть первооткрыватель этих новых стран. Маленькая глупая случайность, происшедшая по вине ничего не подозревающего печатника из Виченцы, поставившего на титульном листе антологии вместо имени Колумба имя Веспуччи, приносит славу также ничего не подозревавшему Веспуччи, который, вовсе о ней не зная, без своего ведома и желания становится узурпатором чужого подвига.

Безусловно, одной этой ошибки было бы недостаточно для создания огромной, веками упроченной славы. Но пока это только первый акт и даже пролог к нашей «Комедии ошибок». Понадобится сцепление все новых и новых случайностей, прежде чем будет соткана паутина великого заблуждения. И странным образом именно теперь – поскольку литературный труд всей жизни Веспуччи, ограничивающийся скромными тридцатью двумя страничками, уже закончен – начинается увековечение Веспуччи, быть может, самое гротескное, какое только знает история человеческой славы. И слава эта зарождается в местечке, где Веспуччи никогда не бывал и о существовании которого купец-мореход из Севильи не имел ни малейшего представления: в городке Сен-Дье.

НОВАЯ ЧАСТЬ СВЕТА ПОЛУЧАЕТ ИМЯ

Тот, кто никогда не слышал названия городка Сен-Дье, не должен упрекать себя в незнании географии: даже ученым понадобилось больше двухсот лет, чтобы отыскать, где же, собственно, расположен этот богоданный город «Sancti Deodati oppidum»¹⁴, оказавший столь решающее влияние на возникновение названия Америки. Затерянный в глубине Вогезов, входивший в состав давно исчезнувшего герцогства Лотарингии, этот городок не имел никаких заслуг, которые могли бы привлечь к нему внимание мира. Правивший в то время Рене II [18], так же как и его знаменитый предок «Добрый король Рене», носил, правда, титулы короля Иерусалима и Сицилии и графа Прованса, однако в действительности являлся герцогом одной лишь этой маленькой части лотарингской земли, которой он честно управлял, питая любовь к наукам и искусствам. Странным образом – история любит игру малых совпадений – именно в этом городке однажды уже вышла книга, оказавшая влияние на открытие Америки: это здесь епископ д'Айи [19] издал свою работу «Imago mundi»¹⁵, которая одновременно с письмом Тосканелли решительно побудила Колумба отправиться в поисках Индии на запад. До самой своей смерти адмирал всюду возил с собой как руководство эту книгу, хорошо сохранившийся экземпляр пестрит пометками, сделанными на полях его рукой. Таким образом, нельзя отрицать некоего еще доколумбовского соотношения между Америкой и Сен-Дье. Но лишь при герцоге Рене в этом городке происходит то диковинное происшествие – или ошибка, – которой Америка навеки обязана своим наименованием. Под покровительством Рене II и, вероятно, при его денежной поддержке в маленьком городке Сен-Дье собирается несколько гуманистов; они создают своеобразную коллегию, которая называется *Gymnasium Vosgianum*¹⁶, и этот гимнасий ставит себе целью распространять науку путем преподавания или печатания ценных книг. В этой крошечной академии для общей работы на благо культуры объединяются светские и духовные деятели; может быть, никто и никогда не узнал бы об их ученых спорах, если бы – около 1507 года – некий печатник Готье Люд не решил установить там печатный станок и

¹⁴ «Город Святого Деодата» (лат.).

¹⁵ Картина мира (лат.).

¹⁶ Вогезский гимнасий (лат.).

начать печатать книги. Место было выбрано удачно, потому что в этой маленькой академии Готье Люд находит необходимых ему людей, которые могут быть издателями, переводчиками, корректорами, художниками-иллюстраторами. К тому же недалеко и до Страсбурга с его университетами и ценными помощниками. И так как герцог взял академию под свое покровительство, то в маленьком захолустном городке могут решиться и на более серьезное дело.

Какое же это дело? С тех пор как новые открытия год за годом расширяют познания мира, любознательность века устремлена к географии. До того времени была издана лишь одна-единственная классическая книга по географии – «Cosmographia»¹⁷ Птолемея, чьи текст и карты в течение веков считались учеными Европы непревзойденными и непогрешимыми. С 1475 года она в латинском переводе стала доступна всем образованным людям и рассматривалась как незаменимый всеобщий Свод знаний о мире; то, что утверждал или изображал на своих картах Птолемей, считалось неоспоримым уже в силу его авторитета, его имени. Но именно в эту последнюю четверть пятнадцатого столетия познание Вселенной расширилось больше, чем за все предыдущие столетия. И Птолемея, который в течение тысячелетий знал больше, чем все космографы и географы после него, внезапно опровергло и перегнало несколько отважных мореплавателей и искателей приключений. Тот, кто захочет теперь вновь издать книгу «Cosmographia», должен исправить ее и дополнить; ему нужно нанести на старые карты новые берега и острова, обнаруженные на западе. Опыт должен подправить традицию, а скромная поправка еще более укрепит доверие к классическому труду – если желать, чтобы Птолемей и впредь считался всеумудрым, а его книга непререкаемой. До сих пор никому, кроме Готье Люда, не приходила в голову мысль вновь довести до совершенства эту уже несовершенную книгу. Ответственная и в то же время многообещающая задача, а следовательно, самая подходящая для ученого общества, собравшегося в Сен-Дье для общего дела. Готье Люд не простой печатник, он также секретарь герцога и капеллан, образованный и к тому же богатый человек; присмотревшись к небольшому кружку, он признает, что трудно подобрать более подходящих людей. Рисованием и гравированием карт готов заняться молодой математик и географ Мартин Вальдземюллер [20], который в соответствии с обычаями того времени подписывает свои научные труды на греческий лад: «Хилакомил». Двадцати семи лет от роду, воспитанник университета в Брейсгау, он сочетает в себе свежесть и отвагу молодости с хорошими знаниями и незаурядными способностями к рисованию, что на десятилетия обеспечит ему превосходство над другими картографами. Здесь же находится молодой поэт Маттиас Рингманн [21], назвавший себя Филезием, – весьма подходящий для того, чтобы снабжать ученое произведение поэтическими введениями и со вкусом отшлифовывать латинские тексты. Нет недостатка и в хорошем переводчике: он найден в лице Жана Базена [22], подлинного гуманиста, владеющего не только древними, но и современными языками. С такой ученой компанией можно уверенно приступить к пересмотру прославленного труда Птолемея. Но где найти материалы для описания вновь открытых стран? Не был ли некий Веспутий первым, кто привлек внимание к Новому Свету? Маттиас Рингманн еще в 1505 году опубликовал в Страсбурге «Mundus Novus» под заглавием: «De Ora Antarctica»¹⁸. И он дает совет органически дополнить птолемеевский труд, приложив к нему итальянское «L'Itera» в переводе на латинский язык, которое до тех пор еще не было известно в Германии.

Само по себе это было добросовестным и весьма похвальным начинанием, но честолюбие издателей сыграло с Веспуччи плохую шутку, и, таким образом, затягивается второй узел той веревки, которую потомки сплетут для ничего не подозревающего Веспуччи.

¹⁷ Космография (лат.).

¹⁸ Об Антарктическом поясе (лат.).

Вместо того чтобы сказать чистую правду, что они просто перевели «Littera» – сообщение Веспуччи о его четырех путешествиях в той форме, в какой оно появилось во Флоренции, с итальянского на латынь, – гуманисты из Сен-Дье отчасти для того, чтобы придать большую значительность своим публикациям, а отчасти для того, чтобы прославить перед всем миром своего покровителя герцога Рене, придумали романтическую историю. Они постарались создать у читателя впечатление, что Америго Веспуччи, первооткрыватель этих новых миров и знаменитый географ, будучи особым другом и почитателем их герцога, якобы прислал ему непосредственно в Лотарингию свое «Littera», и, таким образом, предлагаемое издание является первой публикацией. Какая честь для их герцога! Величайший и знаменитейший ученый эпохи посылает описание своего путешествия только королю Испании и еще одному лицу, а именно правителю этого карликового княжества. Чтобы как-то подкрепить эту скромную мистификацию, изменяется посвящение: вместо итальянского «Magnificenza»¹⁹ подставлено: «Illustrissimus rex Renatus»²⁰, а, кроме того, чтобы как можно лучше скрыть, что налицо простой перевод с итальянского подлинника, добавлено примечание: «Веспуччи-де прислал свое произведение на французском языке и лишь insignis poëta»²¹ Иоанн Базин (Жан Базен) перевел его ex gallico, с французского на благородную латынь (qua pollet elegantia latina interpretavit).

При более близком рассмотрении этот честолюбивый обман оказывается весьма прозрачным, так как «insignis poëta» работал слишком поспешно и не скрыл тех мест, которые совершенно ясно говорили об итальянском происхождении текста. Базен по оплошности позволяет Веспуччи рассказывать лотарингскому «королю Ренату» такие вещи, которые могли иметь значение только для Медичи или Содерини, например, что оба они одновременно учились у дяди Америго – Антонио Веспуччи – во Флоренции. Либо Веспуччи, например, говорит о Данте как о «poëta nostro», то есть «нашем поэте», что, конечно, имеет смысл, лишь когда итальянец пишет итальянцу. Но должны пройти столетия, прежде чем вскроется этот обман, в котором Веспуччи так же неповинен, как и во всех других. В сотнях произведений (вплоть до новейшего времени) письмо Веспуччи о его четырех путешествиях рассматривается как адресованное действительно герцогу Лотарингии; так вся слава и весь позор Веспуччи нагромождаются на фундамент, созданный одной лишь книгой, напечатанной без его ведома в глухом уголке Вогезов.

Однако обо всем, что совершилось на заднем плане и в коммерческих приемах, люди того времени и не подозревали. Книгопродавцы, ученые, князья, купцы просто обнаружили однажды, 25 апреля 1507 года, на книжном рынке небольшую книжку в пятьдесят две страницы, озаглавленную: «Cosmographiae Introductio. Cum quibusdam geometriae ac astronomiae principiis ad eam rem necessariis. Insuper quatuor Americi Vesputii navigationes. Universalis cosmographiae descriptio tam in solido quam piano eis etiam insertis quae in Ptolemaeo ignota a nuperis reperta sunt». (Введение в космографию с необходимыми для оной основами геометрии и астрономии. К сему четыре плавания Америго Веспуччи и, кроме того, описание (карта) Вселенной как на глобусе тех частей света, о которых не знал Птолемей и которые открыты в новейшее время.)

На каждого, раскрывающего эту маленькую книжонку, прежде всего низвергается тщеславие издателей, жаждущих выставить напоказ свои поэтические таланты: короткое посвящение императору Максимилиану [23] в латинских стихах, написанное Маттиасом Рингманном, и предисловие Вальдземюллера-Хилакомила, также обращенное к императору,

¹⁹ Величество (итал.).

²⁰ Светлейший король Рене (лат.).

²¹ Знаменитый поэт (лат.).

к стопам которого он кладет эту книгу; лишь после того, как честолюбие обоих гуманистов удовлетворено, начинается научный текст Птолемея, а к нему после краткого вводного сообщения прилагается описание четырех плаваний Веспуччи.

Благодаря публикации в Сен-Дье имя Америго Веспуччи поднято еще на одну значительную ступень, но, разумеется, вершина еще не достигнута. В итальянской антологии «*Paesi nuovamente ritrovati*»²² имя Веспуччи на титульном листе получает довольно двусмысленное значение: он назван открывателем Нового Света, однако в тексте книги его путешествия отмечаются еще в одном ряду с путешествиями Колумба и других мореплавателей. Но в «*Cosmographiae Introductio*» имя Колумба уже вовсе не упоминается; возможно, это случайность, в которой повинно невежество вогезских гуманистов, но какая роковая случайность! Ибо вся честь и слава великого открытия достаются в таком случае Веспуччи, и только одному Веспуччи. Во второй главе при описании мира, каким его знал еще Птолемей, сказано, что хотя границы этого мира были расширены и другими людьми, но человечество узнало об этом впервые лишь благодаря Америго Веспутию (*nuper vero ab Americo Vesputio latius illustratam*²³). В пятой главе Веспуччи уже определенно назван первооткрывателем этих новых областей, «*et maxima pars Terrae semper incognitae nuper ab Americo Vesputio repertae*»²⁴. И вот в седьмой главе внезапно впервые мелькает предложение, которое примут последующие века; говоря о четвертой части земли, «*quarta orbis pars*», Вальдземюллер высказывает свое личное предложение – «*quam quia Americus invenit Amerigem quasi Americi terram, sive Americam nuncupare licet*» (поскольку эту четвертую часть света нашел Америко, ее следовало бы с этого дня называть Землей Америко, или Америкой).

Эти строки и являются, собственно, свидетельством о крещении, выданном Америке. Впервые это имя появляется на книжном листе, впервые, отлитое в буквы, размножено печатным станком. И если день 12 октября 1492 года, когда Колумб увидел с палубы «Святой Марии» окутанное туманом побережье острова Гуаныхани, можно считать днем рождения нового континента, то 25 апреля 1507 года, день, когда с печатного станка сошла «*Cosmographiae Introductio*», можно назвать днем именин континента. Правда, это всего лишь предложение, высказанное в тихом городке пока еще никому не известным двадцатисемилетним гуманистом, но оно так восхищает его самого, что он повторяет свое предложение уже более настойчиво. В девятой главе Вальдземюллер отводит ему целый абзац. «Сегодня, – пишет он, – эти части света (Европа, Африка и Азия) уже полностью исследованы, а четвертая часть света открыта Америкой Веспутием. И так как Европа и Азия названы именами женщин, то я не вижу препятствий к тому, чтобы назвать эту новую область Америкой, Землей Америко, или Америкой, по имени мудрого мужа, открывшего ее». Вот как это звучит по-латыни: «*Nunc vero et hae partes sunt latius lustratae et alia quarta pars per Americum Vesputium (ut in sequentibus audietur) inventa est, quam non video cur quis iure vetet ab Americo inventore sagacis ingenii viro Amerigem quasi Americi terram sive Americam dicendam: cum et Europa et Asia a mulieribus sua sortita sunt nomina*».

Вместе с тем Вальдземюллер печатает слово «Америка» на полях страницы и, кроме того, вписывает его в приложенную к книге карту мира. С этого часа, сам того не подозревая, смертный Америго Веспуччи предстает в ореоле бессмертия; с этого часа Америка, впервые названная Америкой, сохранит это наименование навечно.

Но ведь это же нелепость, возмутится иной взволнованный читатель. Как смеет

²² «Вновь открытые страны» (итал.).

²³ Недавно Америк Веспутий, по истине говоря, шире оповестил об этом человечество (лат.).

²⁴ «И большая часть Земли дотоле неведомая, недавно открыта Америкой Веспутием» (лат.).

какой-то двадцатисемилетний провинциальный географ оказывать столь великий почет человеку, который никогда не открывал Америки и вообще-то опубликовал всего тридцать две страницы довольно сомнительных сообщений; как может он назвать его именем огромный континент? Однако такое возмущение – анахронизм; оно исходит не из понимания реальной исторической обстановки, а из суждения с точки зрения сегодняшнего дня. Мы, люди современности, бессознательно впадаем в ошибку, когда, произнося слово «Америка», невольно думаем об огромной части земного шара, простирающейся от Аляски до Патагонии. О такой протяженности только что открытого «Mundus Novus» тогда, в 1507 году, не имел никакого представления ни добрый Вальдземюллер, ни другой смертный. Достаточно беглого взгляда на географические карты начала шестнадцатого века, чтобы понять, каким представляла себе тогдашняя космография этот «Mundus Novus». В мутной похлебке Мирового океана плавают бесформенные ломти суши, только по краям слегка надкусанные любопытством первооткрывателей. Крохотную часть Северной Америки, где высадились Кабот и Кортриал, еще относят к Азии, так что поездка из Бостона в Пекин в тогдашнем представлении требует лишь нескольких часов. Флорида считается большим островом, расположенным неподалеку от Кубы и Гаити, а вместо Панамского перешейка, связующего Северную Америку с Южной, раскинулось широкое море. А еще южнее – новая, незнакомая земля (нынешняя Бразилия) нарисована в виде большого круглого острова, вроде Австралии; эту землю на картах называют: «Terra Sancta Crucis»²⁵ или «Mundus Novus», или «Terra dos Paragaïos»²⁶, – все какие-то неудобопроизносимые, неблагозвучные имена. И хотя Веспуччи не был первым, кто открыл эти берега, а лишь первым описал их и познакомил с ними Европу, – Вальдземюллер, которому это неизвестно, только следует принятому обычаю, предлагая присвоить этой земле имя Америго. Бермуды называются по имени Хуана Бермудеса [24], Тасмания – по имени Тасмана [25], Фернандо-По – по имени Фернандо По, почему же не назвать еще одну новую землю именем человека, впервые описавшего ее? Это всего лишь дружественный жест признательности по отношению к ученому, который первым – и в этом историческая заслуга Веспуччи – установил, что новооткрытая земля не относится к Азии, а является «quarta pars mundi»²⁷, то есть представляет собой новую часть света. Добрый Вальдземюллер и понятия не имел о том, что его благожелательное предложение – присвоить имя Веспуччи одному лишь предполагаемому острову, «Земле Святого Креста», – станет наименованием целой части света от Лабрадора до Патагонии, и тем самым будет обокраден Колумб, подлинный первооткрыватель этого континента. Но как мог знать об этом Вальдземюллер, если этого не знал сам Колумб, который так горячо и взволнованно доказывал, что Куба – это Китай, а Гаити – Япония? Так этим названием «Америка» была добавлена еще одна нить ошибки в и без того запутанный клубок; каждый, кто даже с самыми добрыми намерениями занимался проблемой Веспуччи, – пока лишь завязывал новый узелок и еще больше все запутывал.

Следовательно, Америка зовется Америкой только по недоразумению, и к тому же благодаря двойному совпадению случайностей. Если бы insignis роёта Жан Базен предпочел, переводя на латинский язык имя Америго, назвать его не Америкой, а Альбериком, как это сделали до него другие, то Нью-Йорк и Вашингтон были бы сегодня городами не Америки, а Альберики. Но вот имя «Америка» впервые отлито в буквы, эти семь букв навечно соединены в одно слово, и оно переходит из книги в книгу, из уст в уста неудержимо, забываемо. Оно существует, оно укореняется, это новое слово, и не только благодаря

²⁵ Земля Святого Креста (лат.).

²⁶ Земля Попугаев (португальск.).

²⁷ «Четвертая часть света» (лат.).

случайному предложению Вальдземюллера, не в силу логики или нелогичности, не по праву или по несправедливости, но из-за присущего этому слову внутреннего благозвучия. «Америка» – это слово начинается и заканчивается самым полнозвучным гласным звуком нашего языка, сочетая его с разнообразным чередованием других звуков. Оно подходит для вдохновенного зова и хорошо запоминается, крепкое, полноценное, мужественное слово, такое подходящее для молодой страны, для сильного, пробуждающегося народа; сам того не сознавая, маленький географ, ошибившись в истории, совершил нечто обладающее глубоким смыслом, когда назвал подымающуюся из мрака страну словом, роднящим ее с Азией, Европой и Африкой.

Это завоевывающее слово. В нем властная сила, которая неудержимо оттесняет все другие обозначения; прошло лишь несколько лет с тех пор, как появилась «*Cosmographiae Introductio*», а слово «Америка» вытеснило из книг и географических карт мира названия: «*Terra dos Papagaios*», «*Isla de Santa Cruz*», «*Brazzil*», «*Indias Occidentales*»²⁸. Завоевывающее слово. Из года в год оно захватывает в тысячу, в сто тысяч раз большее пространство, чем когда-либо мог мечтать добрейший Мартин Вальдземюллер. В 1507 году под «Америкой» подразумевается только северное побережье Бразилии, а юг с Аргентиной еще зовется «*Brasilia Inferior*»²⁹. Если бы так и осталось (в духе пожелания Вальдземюллера), если бы имя Америго было присвоено одному только побережью, впервые описанному Веспуччи, или даже всей Бразилии, никто не посмел бы обвинить Вальдземюллера в ошибке. Но проходит еще несколько лет, и вот уже наименование «Америка» включает в себя все Бразильское побережье, и Аргентину, и Чили, то есть земли, до которых флорентиец никогда не добирался, которых никогда не видел. Все, что открывают вправо и влево, кверху и книзу, южнее экватора, – все превращается в страну Веспуччи, и, наконец, спустя почти пятнадцать лет после выхода книги Вальдземюллера, всю Южную Америку называют «Америка». Все великие картографы капитулировали пред волею скромного школьного учителя из Сен-Дье – и Симон Гриней [26] в своем атласе «*Orbis Novus*»³⁰ и Себастьян Мюнстер [27] в своих географических картах мира. Но это еще не окончательная победа. Грандиозная «Комедия ошибок» все еще продолжается. На картах Северная Америка, словно другая часть света, все еще отделена от Южной, и, по неведению современников, ее то относят к Азии, то отделяют от материка Америка воображаемым проливом. Но вот наконец наука устанавливает, что этот континент составляет единое целое, что он тянется от одного Ледовитого моря до другого и что его должно объединять одно-единственное название. И тогда-то мощно вырастает гордое, непобедимое слово – плод смешения ошибки с правдой, заблуждения с истиной – и завладевает добычей. Уже в 1515 году нюрнбергский географ Иоганнес Шёнер в маленькой брошюрке, приложенной к его глобусу, широковещательно провозглашает *Americam sive Amerigem...*³¹ четвертой частью света – ...*novum Mundurn et quartam orbis partem...*³², а в 1538 году король картографов Меркатор [28] составляет карту мира, на которую наносит как единое целое весь континент, каким мы его знаем сегодня, обе его части, обозначая все вместе названием «Америка»: А М Е – стоит над Севером и Р И К А – над Югом. С тех пор другого слова, кроме этого, не существует. За тридцать лет Веспуччи завоевал для себя, для

28 «Земля Попугаев», «Остров Святого Креста», «Бразил» (португ.), «Западные Индии» (испан.).

29 Нижняя Бразилия (лат.).

30 «Новый мир» (лат.).

31 Америку, или Америгу (лат.).

32 Новым миром и четвертой частью света (лат.).

своей грядущей славы четвертую часть мира.

Это крещение без ведома и согласия крестного отца – беспримерный случай в истории земной славы. Два слова «Mundus Novus» прославили, а три строки скромного географа обессмертили человека; никогда еще, пожалуй, случайность и заблуждение не порождали столь дерзкой комедии. Но история, которая столь же величественна в трагедии, сколь изобретательна в комедиях, придумывает для этой «Комедии ошибок» особенно изящное заострение. Предложение Вальдземюллера, едва став известным, с восторгом принимается. Одно издание следует за другим, каждое новое географическое сочинение вводит новое название «Америка» в честь ее *inventoris* ³³ Америго Веспуччи, и прежде всего рисовальщики беспрекословно вписывают его в карты. Всюду можно найти теперь слово «Америка», на каждом глобусе, на каждой гравюре, в каждой книге, в каждом письме. Этому имени нет только на одной-единственной карте, которая появилась в 1513 году, через шесть лет после выхода первой карты Вальдземюллера. Кто же этот упрямый географ, который не согласен с этим новым названием и отвергает его? Станным образом; этим человеком оказывается тот, кто его придумал: сам Вальдземюллер. Испугался ли он, подобно ученику колдуна из гетевского стихотворения, который одним словом превратил метлу в неистово деятельное существо, но не знал другого слова, способного укротить вызванный заклятием дух? То ли ему указали, – быть может, даже сам Веспуччи, – что он допустил несправедливость по отношению к Колумбу, приписав его подвиг тому, кто лишь понял значение этого подвига? Ничего не известно! И никогда не выяснится, почему именно Вальдземюллер пожелал отобрать у нового континента им же самим придуманное наименование. Но теперь уже поздно вносить какие бы то ни было исправления! Редко способна истина угнаться за легендой. Слово, выпущенное в мир, черпает силу из этого мира и живет свободно, не завися от того, кто дал ему жизнь. Тщетно пытается одинокий маленький человек стыдливо подавить и замолчать слово, которое он же сам впервые произнес. «Америка» – слово это уже носится в воздухе, оно перескакивает из одного шрифта в другой, из книги в книгу, из уст в уста, оно преодолевает пространство и время, оно неудержимо и бессмертно, потому что сочетает в себе действительность и мечту.

ВЕЛИКИЙ СПОР НАЧИНАЕТСЯ

1512. В Севилье несколько человек следуют за гробом, который выносят из церкви на кладбище. Незаметные, скромные похороны, не так хоронят человека богатого или знатного. К месту последнего упокоения несут какого-то королевского служащего, *piloto mayor de Casa de Contrataci?n* ³⁴, какого-то Деспучи или Веспуче. И никто в чужом городе не подозревает, что это и есть тот самый человек, чье имя будет носить четвертая часть света. Историографы и летописцы ни единым словом не упоминают об этой безвестной кончине, и тридцать лет спустя в исторических трудах можно будет прочесть, что Америго Веспуччи якобы умер в 1534 году на Азорских островах. Незамеченным скончался крестный отец Америки. И так же тихо похоронили в 1506 году в Вальядолиде самого *Adelantado* ³⁵, великого адмирала Новой Индии, Кристофоро Колумбо. Ни король, ни герцог не провожали его гроба, и равным образом ни один летописец того времени не счел эту смерть достаточно значительным событием, чтобы оповестить о ней мир.

Две тихие могилы в Севилье и Вальядолиде. Могилы двух людей, часто встречавшихся

³³ Открывателя (лат.).

³⁴ Главного кормчего торговой палаты (исп.).

³⁵ Губернатора захваченных или открытых земель (исп.).

при жизни, не избегавших друг друга и не питавших друг к другу неприязни. Два человека, воодушевленных одной и той же творческой любознательностью, честно и искренне помогавших друг другу, но над их могилами возникает ожесточенный спор. Без их ведома слава одного вступит в борьбу со славой другого; ошибки, непонимание, страсти и споры исследователей будут вновь и вновь разжигать соперничество между этими двумя великими мореплавателями, соперничество, которого никогда не было при их жизни. Но они сами не услышат этих споров и пересудов, как не слышат невнятной речи ветра, который проносится над их могилами.

В этой гротескной борьбе одной славы против другой сперва потерпел поражение Колумб. Он умер побежденным, униженным, почти забытым. Человек одной-единственной мечты и одного лишь подвига, он пережил свое бессмертное мгновение в тот час, когда его мечта осуществилась, когда «Санта-Мария» пристала к берегу Гуанакани и впервые был пересечен дотоле недоступный Атлантический океан. Еще и до этого момента великого гегуэца считали безумцем, фантазером, путаником и беспочвенным мечтателем, а уж после этого – тем более, потому что Колумб не мог освободиться от той мечты, которая с самого начала увлекала его. Когда он впервые сообщает, что «проник в самые богатые царства на земле», когда он сулит золото, жемчуга и пряности из «Индии», которой он достиг, ему еще верят. снаряжается могучая флотилия, полторы тысячи человек оспаривают друг у друга честь участия в плавании в страны Офир и Эльдorado [29], которые, по уверению Колумба, он видел собственными глазами; королева вручает ему завернутые в шелк письма к «великому хану» в Кинсае [30]. Но вот Колумб возвращается из своего большого плавания и привозит лишь несколько сот полуголодных рабов, которых благочестивая королева отказывается продавать. Несколько сот рабов и свое давнишнее заблуждение – уверенность, что он побывал в Китае и Японии; и это заблуждение становится тем безрассуднее, тем фантастичнее, чем меньше Колумб может подтвердить его фактами. На Кубе Колумб созывает свой экипаж и, угрожая непокорным сотней палочных ударов, заставляет их присягнуть перед escribano – нотариусом – в том, что Куба не остров, а материк – Китай. Беззащитные моряки, пожимая плечами за спиной безумца, подписывают присягу, не принимая ее всерьез, а один из них, Хуан де ла Коса [31], нисколько не задумываясь над вынужденной клятвой, спокойно наносит в составляемую им карту остров Кубу. Невзирая ни на что, Колумб снова пишет королеве, что «только канал отделяет его от золотого Херсонеса Птолемея» (полуострова Малакка), что «от Панамы до Ганга не дальше, чем от Пизы до Генуи». Вначале при испанском дворе улыбаются этим безумным обещаниям, но постепенно они начинают вызывать недовольство. Экспедиции стоят огромных денег, а что привозят? Вместо обещанного золота – полумертвых рабов, вместо пряностей – сифилис. Острова, которые корона отдает Колумбу в управление, превращаются в страшные бойни, в опустошенные, усеянные трупами поля. За одно десятилетие на Гаити погиб миллион туземцев, переселенцы нищают и бунтуют, каждое письмо и каждый из разочарованных колонистов, бегущих из этого «земного рая», приносят ужасные вести о жестоких страданиях. Вскоре в Испании убеждаются: этот фантазер умеет только мечтать, но не управлять; первое, что увидел со своего корабля новый правитель Бобадиля [32], посланный на смену Колумбу, были виселицы и на них, раскачиваемые ветром, трупы соотечественников. Колумба и двух его братьев отправляют в Испанию закованными в цепи, но даже после того, как Колумбу была возвращена свобода и восстановлены его честь и титул, ореол, окружавший его имя, окончательно потускнел.

Теперь, когда Колумб сходит на берег, его корабль уже не встречают с нетерпением. Напрасно просит он аудиенции при дворе – ему не дают никакого ответа, и этот старик, открывший Америку, вынужден униженно просить разрешения пользоваться в пути мулом. Но Колумб все продолжает обещать и с каждым разом все более фантастические вещи. Он сулит королеве, а затем и папе найти в следующем путешествии «рай», обещает совершить новый крестовый поход по кратчайшему пути и «освободить Иерусалим». В своей «Книге пророчеств» он предрекает грешному человечеству через полтора года светопреставление.

В конце концов никто уже больше не слушает этого fallador'a (болтуна) и его imaginascfes com su Иша Сипангу (бредней об острове Зипангу). Купцы, потерявшие из-за него деньги, ученые, презирующие его географические бредни, переселенцы, которых он разочаровал несбывшимися посулами, чиновники, завидующие его высокой должности, начинают создавать единый фронт против «адмирала москитных земель»; старика все больше загоняют в угол, и сам он покаянно признается: «Я говорил, что побывал в самых богатых царствах, я рассказывал о золоте, жемчуге, драгоценных камнях и пряностях, и когда ничего из этого не подтвердилось, я был опозорен». В 1500 году Кристофоро Колумбо – конченный человек, а в году 1506-м – год его смерти – в Испании его уже почти забыли.

И в последующие десятилетия о нем почти не вспоминают – слишком быстро мчится время. Каждый год приносит вести о новых героических подвигах, о новых открытиях, новых названиях, новых победах, и в такие времена легко забыть вчерашние достижения. Вернулись из Индии и Васко да Гама и Кабрал; они привезли с собой не только нагих рабов и туманные обещания, но и все сокровища Востока. Португальский король Мануэл эл Фортунату благодаря добыче, доставленной из Каликута и Малакки, становится самым богатым монархом Европы. Открыта Бразилия, Нуньес де Бальбоа впервые видит Тихий океан с высот Панамы. Кортес завоевывает Мексику. Писарро – Перу. Вот когда наконец потекло в европейские сокровищницы настоящее золото. Магеллан обогнул Америку, и после трехлетнего плавания – величайшего морского подвига всех времен – один из его кораблей, «Виктория», совершив кругосветное путешествие, возвратился в Севилью. В 1545 году открыты серебряные копи в Потоси, откуда теперь каждый год плывут в Европу тяжело нагруженные флотилии. Мореплаватели пересекли все океаны, обошли за полвека вокруг всех или почти всех частей света – какое же значение может иметь в этой гомеровской поэме единственный подвиг одного человека? Еще не вышли книги, описывающие жизнь Колумба, объясняющие его одинокое предвидение, и плавание Колумба считается просто одним из многочисленных путешествий, совершенных прославленными новыми аргонавтами. А так как ему досталась добыча наиболее скромная, то его эпоха, которая, как и всякая другая, мерит собственной меркой, а не меркой истории, судит о нем несправедливо и предаст его забвению.

Тем временем возрастает слава Америго Веспуччи. Когда все еще заблуждались, когда всех еще ослепляла иллюзия, будто бы на западе открыли Индию, один Веспуччи понял правду: это Новый Свет и другой континент. Веспуччи всегда говорил лишь правду: он не сулил ни золота, ни драгоценных камней, а скромно рассказывал, что хотя туземцы и уверяют, будто в этих краях можно найти золото, но он, как святой Фома, осторожен и не слишком доверчив: время покажет. Он путешествовал не ради денег и золота, как другие, а только из бескорыстного стремления к открытиям. Америго не мучил людей и не разрушал государства, подобно всем другим преступным конкистадорам: как гуманист, как ученый, наблюдал он и описывал жизнь чужих народов, их нравы и обычаи, не хваля и не порицая. Он, мудрый ученик Птолемея и великих философов, изучал движение новых звезд, исследовал океан, чужие моря и земли, стремясь постигнуть их тайны и чудеса. Им руководил не слепой случай, а строгая математическая и астрономическая наука; да, он один из наших, хвалят его ученые, homo humanus, настоящий гуманист! Он владеет пером и знает латынь (единственный язык, который они признают подходящим для научных трудов). Он, Веспуччи, спас честь науки, служа лишь ей, а не прибылям и деньгам. Каждый из современных ему историков, прежде чем назвать имя Веспуччи, воздает ему хвалу: и Петр Мартир, и Рамузио [33], и Овьедо. И так как в ту эпоху было не больше десятка ученых, к которым прислушивались современники, то Веспуччи начинают считать крупнейшим мореплавателем своего времени.

Этой необычайной славой в среде ученых Веспуччи обязан в конечном счете случайному обстоятельству, тому, что обе его – увы, такие тоненькие и сомнительные – книжицы напечатаны на латинском языке, на языке ученых. Прежде всего неоспоримый авторитет его трудам придает издание «Cosmographiae Introductio». И лишь потому, что он

первым описал Новый Свет, ученые, для которых слово значит больше, чем дело, не задумываясь, воздают хвалу Веспуччи как первооткрывателю этого Нового Света. Демаркационную линию впервые проводит географ Шёнер: он считает, что Колумб открыл лишь несколько островов, а Веспуччи – Новый Свет. А еще лет через десять благодаря словесным и письменным повторениям это утверждение станет непреложной истиной: Веспуччи открыл новую часть света, и Америка по праву называется Америкой.

В течение всего шестнадцатого столетия ярко сияет ничем не омраченная, незаслуженная слава Веспуччи, первооткрывателя Нового Света. Лишь один-единственный раз раздается возражение, да и то очень робкое. Оно исходит от весьма своеобразного человека, от Мигеля Сервета [34], посмертно стяжавшего себе трагическую славу первой жертвы протестантской инквизиции – Кальвин отправил его на костер в Женеве. Сервет – любопытный образ в истории мысли, полугений, полубезумец, мятущийся, во всем дерзко сомневающийся дух, который не знает удовлетворения и считает необходимым защищать свое личное мнение в любой из областей науки. Но этому, ничего собственно не создавшему человеку присуще замечательное чутье – всегда и во всем он затрагивает решающие проблемы. В медицине он уже почти четко формулирует теорию кровообращения, созданную позднее Гарвеем [35], в богословии нащупывает самое слабое место Кальвина, и всегда ему помогает какая-то таинственная способность если и не разгадывать, то во всяком случае обнаруживать тайны; в географии он также затрагивает самую жгучую проблему. Отлученный от церкви, он бежит в Лион, где занимается под вымышленным именем врачебной практикой, и тогда же, в 1535 году, выпускает новое издание Птолемея, снабженное своими примечаниями. К этому изданию приложены те же карты, которые были в книге Птолемея, изданной Лаврентием Фризием в 1522 году, и в которых, согласно предложению Вальдземюллера, южная часть нового континента названа «Америкой». И в то время как в 1522 году издатель Птолемея Томас Анкупарий перевозит в своем предисловии Веспуччи, даже не упоминая имени Колумба, Сервет первым решается выступить с некоторыми возражениями против всеобщего преувеличения роли Веспуччи и против предложенного наименования новой части света. Ведь, собственно говоря, пишет Сервет, Веспуччи отправился в плавание только как купец «*ut merces suas comutaret*» и «*multo post Columbum*», много позднее Колумба. Поначалу это еще очень осторожное высказывание, можно сказать, легкое покашливание протеста. Сервет вовсе и не помышляет лишить Веспуччи славы первооткрывателя, ему не хочется только, чтобы совсем позабыли Колумба. Это еще ни в коем случае не выдвижение антитезы Колумб *или* Веспуччи, спор о приоритете еще не начат. Сервет указывает лишь на то, что следовало бы говорить: Веспуччи *и* Колумб. Не имея ни веских доказательств, ни точного знания исторической обстановки, а исходя единственно из своей инстинктивной подозрительности, заставлявшей его чутко ошибки и подходить к любому вопросу с совершенно новой стороны, Сервет оказался первым, кто указал на то, что не все обстоит ладно с этой славой Веспуччи, словно лавина, обрушившейся на мир.

Решающее возражение должно было исходить, конечно, не от такого человека, как Сервет, который, находясь в Лионе, узнает обо всем лишь из книг и маловероятных сообщений, но от того, кто владеет точными сведениями о подлинных исторических событиях. И вот раздался авторитетный голос, возражавший против чрезмерной славы Веспуччи, голос человека, перед которым склонялись короли и императоры, чье слово спасло миллионы замученных, истерзанных пыткой людей. То был голос великого епископа Лас Касаса [36], с такой потрясающей силой обличавшего зверскую расправу конкистадоров с туземцами, что и по сей день его записки читаются с содроганием сердца. Лас Касас, доживший до девяноста лет, был живым свидетелем великой эпохи открытий и благодаря своему правдолюбию и беспристрастию священника – свидетелем, не вызывавшим

сомнения. Написанная им большая история Америки, «*Historia general de las Indias*»³⁶, начатая в 1559 году, на восемьдесят пятом году его жизни, в вальядолидском монастыре, еще и сегодня может считаться самым солидным: документом по истории той эпохи. Родившийся в 1474 году Лас Касас приехал в Эспаньолу (Гаити) в 1502 году, следовательно, еще при жизни Колумба, и вначале как священник, а впоследствии как епископ, если не считать его многочисленных поездок в Испанию, прожил в новой части света до семидесяти трех лет. И поэтому никто не мог в большей мере, чем он, быть пригодным к тому, чтобы компетентно и достоверно свидетельствовать о событиях той эпохи открытий.

Однажды в пути, возвращаясь из *Nuevas Indias*³⁷ в Испанию, Лас Касас, видимо, натолкнулся на одну из тех карт или заграничных книг, в которых новая страна была обозначена именем «Америка». И, вероятно, столь же изумленный, как и мы, спросил: «Почему же Америка?» Ответ – потому что ее открыл Америго Веспуччи, – естественно, должен был вызвать у епископа гнев и внушить ему подозрения. Ведь никто не знал всего так, как он. Его отец сопровождал Колумба во втором плавании, да и сам он мог засвидетельствовать, что Колумб «первым открыл ворота того океана, что был замкнут в течение стольких столетий». Как же смеет Веспуччи приписывать себе или как смеют другие приписывать ему славу первооткрывателя Нового Света? Вероятно, и Лас Касас столкнулся с распространенным в то время аргументом, что Колумб открыл только Антилы – острова, лежащие на пути в Америку, а Веспуччи – собственно материк, и это, мол, дает ему право называться открывателем континента.

Тут уж Лас Касас, человек вообще-то мягкосердечный, приходит в ярость. Если Веспуччи утверждает подобное – он лжец. Ни один человек, за исключением адмирала во время его второго плавания в 1498 году, не ступал на землю «Парнас» [37]: это, кроме всего прочего, засвидетельствовано торжественной клятвой Алонсо де Охеда [38] в судебном процессе, затеянном в 1516 году государственной казной против наследников Колумба. Среди доброй сотни свидетелей, выступавших в этом процессе, тоже не было ни одного человека, который посмел бы оспаривать этот факт. Эта страна должна с полным правом называться «Колумбией». Как смеет Веспуччи «узурпировать славу и честь, которые принадлежат адмиралу-губернатору, и приписывать себе его заслуги»? Где, когда, с какой экспедицией побывал Веспуччи на материке Америки до адмирала?

Лас Касас изучает сообщение Веспуччи в том виде, в каком оно было напечатано в «*Cosmographiae Introductio*», дабы разоблачить его мнимое притязание на приоритет. И тут в «Комедии ошибок» наступает новый гротескный поворот, который толкает и без того запутанный клубок в совершенно ложном направлении. В первом издании на итальянском языке, где описано путешествие Веспуччи 1497 года, сказано, что он высадился в каком-то месте, которое называется «Лариаб». В результате опечатки или произвольного исправления в латинском издании, вышедшем в Сен-Дье, вместо слова «Лариаб» напечатано слово «Парнас», отчего создается впечатление, будто бы Веспуччи и сам утверждал, что посетил землю «Парнас» еще в 1497 году, то есть ровно за год до Колумба. Поэтому для Лас Касаса совершенно ясно – Веспуччи обманщик, воспользовавшийся после смерти адмирала удобным случаем, чтобы приписать себе открытие нового материка с помощью публикации в «заграничных книгах» (ведь в Испании его сразу же изобличили бы). Лас Касас доказывает, что в действительности Веспуччи отправился в Америку в 1499, а не в 1497 году, но предусмотрительно замолчал имя своего спутника Охеды. «То, что писал Америго, – возмущается честный Лас Касас, – с целью прославить себя и молчаливо узурпировать честь открытия материка», было сделано с дурным умыслом, и, следовательно, Веспуччи – обманщик.

³⁶ Всеобщая история Индии (исп.).

³⁷ Новых Индии (исп.).

Собственно говоря, только опечатка в латинском издании – замена слова «Лариаб», существующего в подлиннике, словом «Парнас» – вызвала гнев Лас Касаса до поводу злонамеренного обмана. Но, сам того не желая, Лас Касас затронул наиболее щекотливое обстоятельство, а именно то, что во всех письмах и сообщениях Веспуччи чрезвычайно туманно говорится о задачах и действительных результатах его путешествий. Веспуччи никогда не называет достаточно внятно имена командующих флотилиями, приводимые им даты в разных изданиях различны, его определения долгот неправильны. С того момента, как ученые начали изучать подлинные исторические материалы его плаваний, не могло не зародиться подозрение, что по каким-то причинам – с которыми мы столкнемся позже – простые и ясные обстоятельства им умышленно затемнились. Здесь мы впервые приближаемся к самой сути тайны Веспуччи, уже сотни лет занимающей умы ученых всех наций, – сколько же в письмах Веспуччи, где рассказано о совершенных им путешествиях, правды и сколько выдумки (скажем резче – обмана)?

Вызывает сомнение прежде всего первое из четырех путешествий Веспуччи (то самое от 10 мая 1497 года), в котором усомнился уже Лас Касас и которое могло бы во всяком случае утвердить за Веспуччи несомненный приоритет в открытии нового континента. Это плавание не упомянуто ни в одном историческом документе, а некоторые его подробности, без сомнения, заимствованы из второго плавания, совершенного Веспуччи вместе с Охедой. Даже самые ярые защитники Веспуччи не сумели доказать его алиби, того, что он действительно совершил плавание в названном году, и, чтобы придать этому сообщению тень правдоподобия, вынуждены были довольствоваться гипотезами. Если бы мы стали подробно приводить доказательства обеих сторон в этих нескончаемых и резко противоречивых спорах ученых-географов, то получилась бы целая книга. Достаточно сказать, что три четверти высказавшихся по этому вопросу не признают первого плавания Веспуччи, считая его придуманным, в то время как остальные, выступая в качестве присяжных защитников Веспуччи, утверждают, что именно во время этого плавания он первым открыл по одной версии – Амазонку, а по другой – Флориду. Но поскольку необычайная слава Веспуччи основывается главным образом на этом первом – весьма сомнительном – плавании, то Вавилонская башня, целиком построенная из ошибок, совпадений и невежественной болтовни, зашаталась, как только ее фундамента коснулся топор филологии.

Решающий удар наносит в 1601 году Эррера [39] своей работой «*Historia de las Indias Occidentales*»³⁸. Испанскому историку не пришлось тратить много времени, чтобы вооружиться необходимым аргументом, так как он ознакомился с рукописью не изданной еще в то время книги Лас Касаса, и, собственно, это все еще Лас Касас ратует против Веспуччи. Эррера, пользуясь аргументами Лас Касаса, доказывает, что даты в «*Quatuor Navigationes*»³⁹ неверны, что Веспуччи вышел в море с Охедой в 1499, а не в 1497 году, и делает вывод – при невозможности для обвиняемого получить слово, – что Америго Веспуччи «жоварно и злонамеренно извратил свои сообщения, стремясь украсть у Колумба честь считаться первооткрывателем Америки».

Это разоблачение вызвало мощный отклик. Как? – заволновались ученые, значит, открыл Америку вовсе не Веспуччи? Значит, этот мудрый человек, чьей безмерной скромностью мы все восхищались, оказался лгуном, мошенником, каким-то Мендишем Пинту [40] – одним из этих отвратительных проходимцев, которые хвастались якобы совершенными ими путешествиями? Ведь если Веспуччи сказал неправду об одном из своих

38 «История Западных Индий».

39 «Четыре плавания».

плаваний, можно ли верить тому, что он рассказывает о других? Какой позор! Новый Птолемей, оказывается, был подлым Геростратом, который коварно пробрался в храм славы, дабы ценой преступного мошенничества приобрести бессмертие. Какой стыд для всего ученого мира, для тех, кто, дав одурачить себя хвастливой болтовней, назвал новую часть света именем обманщика! Не пора ли исправить постыдную ошибку? И брат Педро Симон самым серьезным образом предлагает в 1627 году «запретить пользование любым географическим сочинением, любой картой, в которых содержится имя «Америка».

Маятник качнулся в другую сторону. Веспуччи – конченный человек, и в семнадцатом веке слава снова возносит полузабытое имя Колумба. Великим, как сама новая земля, предстает его образ. Из всех подвигов остался лишь подвиг, совершенный им, потому что дворцы Монтесумы ограблены и разрушены, сокровищницы Перу опустошены, все доблестные и постыдные деяния отдельных конкистадоров забыты. И только Америка – реальность, украшение Земли, прибежище для всех гонимых, страна будущего. Какая несправедливость постигла этого человека при жизни и после его смерти тяготела над ним более столетия! Колумб становится непризнанным в свое время героем, все теневые стороны его образа скрадываются, о дурном правлении великого адмирала, о его религиозных бреднях не говорится ни слова, и его жизнь начинают всячески идеализировать. Все пережитые им трудности драматически преувеличиваются; оказывается, его матросы подняли мятеж, и он силой заставил их плыть дальше; рассказывают, как низкий негодяй привез его в кандалах на родину и как он со своим полумертвым от голода ребенком нашел пристанище в монастыре Рабиды [41]. И если раньше было сделано слишком мало для прославления его подвига, то теперь благодаря неиссякаемой потребности в героизации делается, пожалуй, даже слишком много.

Но по старинному закону драмы и мелодрамы каждому героизированному образу должен противостоять образ отрицательный, как свету – тень, богу – дьявол, Ахиллу – Терсит, безумному мечтателю Дон Кихоту – здравомыслящий практик Санчо Панса. Чтобы изобразить гения, нужно заклеить его противоположность, все, что противостояло ему на земле, – низменные силы непонимания, зависти, предательства. Исходя из этого, враги Колумба – честный, добросовестный, незначительный чиновник Бобадилья и кардинал Фонсека – дельный и мыслящий человек – очернены как последние негодяи. Но самый главный противник счастливо найден в лице Америго Веспуччи, и легенде о Колумбе противопоставлена легенда о Веспуччи. Сидит в Севилье этакая раздувшаяся от зависти ядовитая жаба, ничтожный купчишка, которому очень хочется прослыть ученым и исследователем. Но он слишком труслив, чтобы решиться взойти на корабль. Из своего забранного решеткой окошка он, скрежеща зубами, видит, как чествуют вернувшегося на родину великого Колумба. Украсть славу у Колумба! Украсть ее для себя! И в то время как благородного адмирала влекут закованного в цепи, этот купчишка ловко наскребает из чужих книг описания путешествий, которых он никогда не совершал. И едва успевают похоронить Колумба, который уже не может защищаться, как этот жаждущий славы шакал сообщает в своих подбострастных письмах всем властителям мира о том, что якобы он является первым и подлинным открывателем Нового Света, и из предосторожности печатает эти письма за границей, на латинском языке. Он заискивает перед ничего не подозревающими учеными, что живут где-то на другом конце земли, и умоляет их назвать Новый Свет его именем – Америкой. Он пробирается к заклятому врагу Колумба, разделяющему его ненависть, к епископу Фонсеке, и при помощи хитрости добивается, чтобы его, который ничего не смыслит в мореплавании и лишь торчит в своей конторе, назначили *piloto mayor* и начальником *Casa de la Contratación*⁴⁰, и все это для того, чтобы он мог, добравшись до карт, приложить к ним свою руку. Таким путем он, наконец, получил

⁴⁰ Главным кормчим правления торговой палаты (исп.).

возможность – все это действительно приписывают Веспуччи – осуществить свой великий обман. В качестве *piloto mayor*, в чьи обязанности входит заказывать географические карты, он может бесконтрольно требовать, чтобы всюду, во все карты и глобусы было внесено его проклятое имя – Америка, Америка, Америка, чтобы оно присутствовало повсюду как название Нового Света. Так покойник, которого при жизни заковали в цепи, был еще раз обворован и обманут этим подлым гением лжи. Не имя Колумба, а имя этого вора украшает теперь новую часть света.

Таков образ Веспуччи в семнадцатом столетии – клеветник, фальсификатор, лжец. Так орел, смелым взором обозревавший мир, превратился внезапно в отвратительного, роющегося в земле крота, в осквернителя трупов и вора. Этот образ несправедлив, но он прочно укореняется. На десятки, на сотни лет имя Веспуччи втоптанно в грязь. И Бейль [42] и Вольтер топчут его могилу, и в каждом школьном учебнике рассказывается о том, как подло стяжал себе славу Веспуччи. И даже такой мудрый и рассудительный человек, как Ралф Уолдо Эмерсон, спустя триста лет (1856) под влиянием этой легенды напишет: «Странно, что обширная Америка должна носить имя вора. Америго Веспуччи, торговец маринадом из Севильи, чей высший морской ранг был равен чину младшего штурмана экспедиции, так и не вышедшей в море, сумел занять в этом лживом мире место Колумба и окрестил половину земного шара своим бесчестным именем».

ДОКУМЕНТЫ НАКАПЛИВАЮТСЯ

В семнадцатом столетии Америго Веспуччи – конченный человек. Спор вокруг его имени, его подвига или его подлости, казалось бы, раз и навсегда закончен. Веспуччи развенчан, уличен в обмане и – не носи Америка его имени – был бы обречен на позорное забвение. Но начинается другое столетие, которое не хочет верить ни рассказам современников, ни традиционным сплетням. Историография постепенно превращается из простого летописания в критическую науку, которая ставит своей задачей проверить все факты, пересмотреть все свидетельства. Из всех архивов вытаскивают документы, их изучают, начинают сличать, и неизбежно вновь всплывает старое, казалось бы, давно решенное, судебное дело – Колумб против Веспуччи.

Начинают соотечественники Веспуччи. Они не хотят мириться с тем, чтобы имя этого флорентийца, чья слава столько лет разносила по миру славу их родного города, оставалось пригвожденным к позорному столбу. Флорентийцы требуют прежде всего глубокой и беспристрастной проверки. Аббат Анджело Мариа Бандини [43] публикует в 1745 году первую биографию флорентийского мореплавателя – «*Vita e l'ettere di Amerigo Vespucci*»⁴¹. Бандини удается обнаружить ряд документов. В 1789 году Франческо Бартолоцци [44] присоединяется к Бандини, издавая новое «*Ricerche storico-critiche*»⁴², и результаты его исследования представляются флорентийцам столь обнадеживающими для реабилитации их земляка, что падре Станислав Кановаи [45] произносит в одной из академий «*Elogio d'Amerigo Vespucci*»⁴³ – торжественную хвалебную речь в пользу оклеветанного *celebro navigator*, знаменитого мореплавателя. Одновременно начинаются поиски в испанских и португальских архивах, и чем больше роются в этом деле, поднимая столбы бумажной пыли, тем оно становится туманнее.

Португальские архивы оказались самыми бедными. В них нет ничего ни об одной из

41 «Жизнь и письма Америго Веспуччи» (итал.).

42 «Историко-критическое исследование» (итал.).

43 «Похвала Америго Веспуччи» (итал.).

двух экспедиций, в которых якобы участвовал Веспуччи. Не упомянуто его имя и в расходных книгах. Никакого намека на тот «zibaldone»⁴⁴ дневник путешествий, который Веспуччи, по его словам, вручил королю Мануэлу Португальскому. Ничего. Ни строки, ни слова. И один из наиболее ожесточенных противников Веспуччи немедленно объявляет такое умолчание лучшим доказательством того, что Америго просто лгал, рассказывая об обоих путешествиях как о совершенных им при «auspiciis et stipendio Portugallensium», – «поощрении и материальной помощи Португалии». Однако то обстоятельство, что об отдельном человеке, который сам не снаряжал и не отправлял экспедиций, через триста лет не сохранилось документов, разумеется, еще ничего не доказывает. Великий португалец, прославивший свою нацию, Луиш Камознс шестнадцать лет отдал служению португальскому королю и, находясь на королевской службе, был ранен, однако о нем тоже нигде официально не упоминается. Камознс был арестован и заключен в тюрьму в Индии; но где же документы или хотя бы факты судебного процесса? О его путешествиях тоже нельзя найти ни строчки. Исчез дневник Пигафетты о еще более достопамятном плавании Магеллана. И если в архивах Лисабона документальные данные о самом значительном периоде жизни Веспуччи равны нулю, то можно только напомнить, что ровно столько же сведений почерпнули мы из архивов об африканских приключениях Сервантеса, о годах странствий Данте, о театральной деятельности Шекспира. И все-таки Сервантес боролся, Данте странствовал из края в край, и Шекспир сотни раз выходил на сцену. Даже наличие документов не всегда является достаточным доказательством, а их отсутствие – и того менее.

Флорентийские документы оказались полнее. Бандини и Бартолоцци нашли в государственном архиве три письма Веспуччи к Лоренцо Медичи. Это не оригиналы, а более поздние копии из коллекции, собранной неким Вальенти, который сам переписывал или поручал переписывать все сообщения, письма и публикации о новых путешествиях и открытиях и располагал их в хронологическом порядке. Одно из этих писем Веспуччи написал непосредственно по возвращении из третьего плавания к мысу Верду – первого плавания, предпринятого им по заданию португальского короля. Второе письмо содержит подробное сообщение об этом так называемом третьем плавании, таким образом включает, по существу, все то, что было впоследствии опубликовано в «Mundus Novus», однако без характерной для последнего очень сомнительной по качеству литературной отделки. Все это кажется блестящим доказательством правдивости Веспуччи: по крайней мере факт так называемого третьего плавания – того самого, которое благодаря «Mundus Novus» сделало его знаменитым, – теперь бесспорно подтвердился, и Веспуччи уже можно прославлять как невинную жертву необоснованной клеветы. Но вот обнаруживают еще и третье письмо к Лоренцо Медичи, в котором Веспуччи – чертовски неудачливый человек! – описывает свое первое плавание 1497 года, выдавая его за плавание, совершенное в 1499 году, и таким образом подтверждается именно то, в чем его упрекают противники, то есть что в печатном издании он датировал свое плавание двумя годами раньше. Этим его собственноручным письмом неопровержимо доказано, что он или кто-то другой сфабриковал из одного путешествия два и что притязание Веспуччи на то, что он будто бы первым ступил на американскую землю, – наглое и вдобавок неуклюжее мошенничество. Теперь мрачное подозрение Лас Касаса неопровержимо подтверждено. И те, кто хочет спасти репутацию Веспуччи как правдивого человека, – его самые ревностные защитники и земляки, выступившие в «Raccolta Columbiana»⁴⁵ – не видят другого выхода, кроме последнего и самого отчаянного: объявить это письмо Веспуччи подложным.

Таким образом, мы находим во флорентийских документах уже знакомый нам образ вечно двуликого Веспуччи: с одной стороны, это человек, который в частных письмах к

⁴⁴ Литературная смесь (итал.).

⁴⁵ «Колумбово собрание» (итал.).

своему патрону Лоренцо Медичи честно и скромно сообщает о действительном положении вещей; с другой стороны, это Веспуччи печатных книг, герой великой славы и великого скандала, лживо похвалявшийся никогда не совершенными им открытиями и путешествиями и благодаря этой хвастливой болтовне добившийся того, что целая часть света была названа его именем. Чем дальше катится клубок ошибок, тем все больше он запутывается.

И странно, такое же противоречие обнаруживают испанские документы. Из них узнаешь, что Веспуччи приехал в Севилью в 1492 году совсем не как крупный ученый и бывалый мореход, а как мелкий служащий, маклер торгового дома Хуаното Беральди, являвшегося своего рода отделением флорентийского банка Медичи, и занимался главным образом снаряжением кораблей и финансированием экспедиций. Уже одно это обстоятельство не слишком-то вяжется с представлением о руководителе отважной экспедиции, будто бы отплывшей от берегов Испании в 1497 году. Более того, об этом так называемом первом плавании, совершая которое Веспуччи якобы опередил Колумба и открыл материк, нет следов ни в одном из документов, и тем самым почти неопровержимо доказано, что в 1497 году Веспуччи действительно сидел в своей севильской конторе и усердно занимался торговлей, а вовсе не исследовал берега Америки, как рассказывается в его «*Quatuor Navigationes*».

Снова документы как будто подтверждают все обвинения, выдвинутые против Веспуччи. Однако странно: именно в испанских документах содержатся одновременно и данные, которые столь же убедительно свидетельствуют о честности Веспуччи, сколь другие данные, несомненно обличают его в наглую, хвастливую болтовню. Вот акт о принятии им испанского подданства, из которого явствует, что 24 апреля 1505 года Америго де Веспуччи становится испанским подданным «за усердие, которое он уже доказал и еще докажет на службе испанской короне». Вот документ от 22 марта 1508 года о назначении Веспуччи «*piloto mayor*» в *Casa de Contratación* и руководителем всей навигационной службы в Испании. В его обязанность входит «обучать штурманов пользоваться измерительными приборами, астролябией и квадрантами, а также проверять их знания и умение сочетать теорию с практикой». Вот королевский приказ составить *padron real*⁴⁶, то есть карту мира, которая включала бы все новооткрытые побережья, причем карту эту Веспуччи обязан постоянно дополнять и улучшать. Мыслимо ли, чтобы испанская корона, имевшая в своем подчинении самых выдающихся мореплавателей тех времен, поручила столь ответственную должность человеку, чье лживое хвастовство и книги о выдуманных путешествиях не внушали никакого доверия? Правдоподобно ли, чтобы король соседней Португалии самолично призвал в свою страну именно этого человека и поручил ему сопровождать две флотилии, отправлявшиеся в Южную Америку, не будь Веспуччи уже прославленным специалистом по навигации? И разве то обстоятельство, что купец Хуаното Беральди, у кого долгие годы работал Веспуччи и который, следовательно, лучше всех других знал, заслуживал ли Веспуччи доверия, назначил, умирая, именно его своим душеприказчиком и ликвидатором фирмы, – разве все это не является доказательством честности Америго Веспуччи? Снова мы сталкиваемся с одним и тем же противоречием: любой документ о жизни Веспуччи превозносит его как честного, добросовестного, очень знающего человека. Но стоит взять в руки напечатанные работы самого Веспуччи, как мы обнаруживаем хвастовство, небылицы, неправдоподобие.

Однако разве нельзя быть превосходным мореплавателем и в то же время безудержно хвастать и преувеличивать? Разве нельзя быть великолепным составителем географических карт и в то же время мелким завистником? Разве не считаются исстари фантастические рассказы слабостью мореходов, а зависть к достижениям коллег – профессиональной болезнью ученых? Таким образом, все документы о Веспуччи отнюдь не снимают с него

⁴⁶ Королевская опись (исп.).

обвинения в том, что он мошенническими подделками присвоил себе честь открытия Америки, принадлежащую по праву великому адмиралу.

Но вот из могилы раздается голос, доказывающий честность Веспуччи. В великом судебном процессе «Колумб против Веспуччи» свидетелем в пользу Веспуччи выступает именно тот, от кого, казалось, он менее всего мог ожидать поддержки: сам Христофор Колумб. Незадолго до своей смерти, 5 февраля 1505 года, то есть тогда, когда «Mundus Novus» уже давно должен был бы стать известным в Испании, адмирал, в одном из ранних писем называвший Веспуччи своим другом, шлет своему сыну Дьего [46] письмо следующего содержания:

«5 февраля 1505.

Мой дорогой сын,

Дьего Мендес [47] выехал отсюда в понедельник, 3 сего месяца. После его отъезда я беседовал с Америго Веспуччи, который направляется ко двору, куда его призвали, чтобы посоветоваться с ним относительно некоторых вопросов мореплавания. Он всегда выражал желание быть мне полезным (*! siempre tuvo deseo de me hacer placer*), это честный человек (*mucho hombre de bien*). Счастье было к нему неблагоприятно, как и ко многим другим. Его труды не принесли ему тех выгод, на которые он был вправе рассчитывать. Он едет туда (ко двору) с горячим желанием добиться для меня при удобном случае (*si a sus manos est?*) чего-нибудь благоприятного (*que redonde a mi bien*). Я не имею возможности, находясь здесь, подробнее объяснить ему, чем он мог бы быть нам полезен, потому что не знаю, чего от него хотят. Но он полон решимости сделать для меня все, что в его силах».

(*! siempre tuvo deseo de me hacer placer*), это честный человек (*mucho hombre de bien*). Счастье было к нему неблагоприятно, как и ко многим другим. Его труды не принесли ему тех выгод, на которые он был вправе рассчитывать. Он едет туда (ко двору) с горячим желанием добиться для меня при удобном случае (*si a sus manos estb*) чего-нибудь благоприятного (*que redonde a mi bien*). Я не имею возможности, находясь здесь, подробнее объяснить ему, чем он мог бы быть нам полезен, потому что не знаю, чего от него хотят. Но он полон решимости сделать для меня все, что в его силах».

Это письмо – одна из самых неожиданных сцен в нашей «Комедии ошибок». Два человека, в течение трехсот лет являвшиеся в ложном представлении людей непримиримыми соперниками, которые ожесточенно враждовали из-за права увидеть свое имя присвоенным новой земле, были на самом деле сердечными друзьями! Колумб, который из-за свойственной ему подозрительности рассорился почти со всеми своими современниками, хвалит Веспуччи как своего давнишнего помощника и делает его своим заступником при дворе! Значит, они оба – и это бесспорный исторический факт – не имели ни малейшего представления о том, что десять поколений ученых и географов станут натравливать друг на друга их тени в жаркой схватке вокруг пустого звука одного из имен, что в «Комедии ошибок» они станут противниками, и один будет играть роль светлого гения, которого обкрадывает другой, подлый негодяй. Разумеется, обоим неведомо слово «Америка», вокруг которого предстояло разгореться этому спору. Колумб и не подозревал, что за открытыми им островами находится гигантский материк, так же как Веспуччи не знал, что именно к нему относится побережье Бразилии. Люди одной профессии, оба не избалованные судьбой и не сознававшие своей безмерной славы, они понимали друг друга лучше, чем большинство их биографов, которые вопреки психологической правде приписывали им совершенно невозможное в то время понимание масштабов собственных достижений. И снова, как это часто случается, правда разбила легенду.

Заговорили первые документы. Но именно после их обнаружения и истолкования великий спор вокруг имени Веспуччи разгорается с еще большей силой; никогда еще тридцать две страницы печатного текста не исследовались в поисках достоверности с таким

усердием со всех сторон – психологической, географической, картографической, исторической и полиграфической, – как исследовались сообщения Веспуччи о его путешествиях. Но в результате спорящие географы защищают лишь свои собственные утверждения и отрицания: да или нет, черное или белое, первооткрыватель или лжец – твердят они с одинаковой уверенностью и, казалось бы, с одинаково непреложными доказательствами. Бегло, шутки ради, я хочу сопоставить здесь все, что за последнее столетие утверждали различные авторитеты по поводу Веспуччи. Он совершил свое первое плавание вместе с Пинсоном. Он совершил свое первое плавание с Лепе [48]. Он совершил свое первое плавание в составе неизвестной экспедиции. Он вообще не совершал первого плавания, все это выдумки и ложь. Он открыл в первом плавании Флориду. Он ничего не открывал, потому что вообще не участвовал в плавании. Он первым увидел реку Амазонку. Он увидел ее лишь во время своего третьего плавания, а раньше спутал ее с рекой Ориноко. Он обошел и дал названия всем частям побережья Бразилии вплоть до Магелланова пролива. Он обошел лишь самую малую часть побережья, названия же были даны задолго до него. Он был великим мореплавателем. Нет, он никогда не командовал ни кораблем, ни экспедицией. Он был великим астрономом. Ни в коем случае! Все, что он писал о звездах, – чепуха. Приводимые им даты достоверны. Эти даты ложны. Он был замечательным кормчим. Он был всего лишь подрядчиком по поставке мяса да к тому же еще и невеждой. Его сообщения заслуживают доверия. Он профессиональный мошенник, обманщик и лгун. Веспуччи первый после Колумба мореплаватель и открыватель своей эпохи. Он гордость, нет, он позор науки. Все это утверждается в книгах, написанных за и против Веспуччи, подкрепляется множеством так называемых доказательств, объясняется и обосновывается с одинаковой страстностью. И так же, как триста лет тому назад, нет ответа на все тот же давнишний вопрос: «Кем же был Америго Веспуччи? Что он совершил и чего не совершал?» Можно ли найти ответ на этот вопрос? Можно ли решить великую загадку?

КЕМ БЫЛ ВЕСПУЧЧИ

Мы попытались рассказать здесь в хронологическом порядке о той великой «Комедии ошибок», которая разыгрывалась вокруг жизни Америго Веспуччи на протяжении трех столетий и привела в конце концов к тому, что новая часть света была названа его именем. Человек становится знаменитым, но, собственно, неизвестно почему. Можно об этом говорить что угодно: он прославился по праву или без такового, благодаря своим заслугам или с помощью мошенничества. Ведь слава Веспуччи – это вовсе не слава, а нимб, возникший вокруг его имени не столько из-за того, что он совершил, сколько из-за ошибочной оценки совершенного им.

Первая ошибка, первый акт нашей «Комедии» – это появление имени Веспуччи на титульном листе книги «*Paesi ritrovati*». Вследствие чего читатели могли подумать, что новые страны были открыты не Колумбом, а Веспуччи. Второй ошибкой, вторым актом была опечатка: «Парнас» вместо «Лариаб», допущенная в латинском издании, в силу чего стали утверждать, что не Колумб, а Веспуччи первым ступил на материк Америки. Третьей ошибкой, третьим актом была ошибка скромного провинциального географа, предложившего на основании тридцати двух страниц, написанных Веспуччи, назвать Америку его именем. До конца третьего акта, как и полагается в настоящей плутовской комедии, Америго Веспуччи представляется героем, он царит на сцене как благороднейший рыцарь без страха и упрека. В четвертом акте рождаются подозрения, и уже непонятно, кто он – герой или обманщик? Пятый, заключительный акт, который разыгрывается уже в наш век, должен привести еще один, неожиданный подъем, чтобы остроумно завязанный узел начал распутываться и в финале все разрешилось бы ко всеобщему удовлетворению.

Но, по счастью, история – великолепный драматург; она умеет находить как для своих трагедий, так и для своих комедий блестящую развязку. Начиная с четвертого акта нам известно, что Веспуччи не открывал Америки, не ступал первым на материк и вообще

никогда не совершал того первого плавания, которое надолго сделало его соперником Колумба. Но в то время как на сцене ученые еще спорят о том, сколько плаваний, описанных Веспуччи в его книге, он действительно совершил и скольких не совершал, появляется новое лицо с ошеломляющим известием, что якобы даже эти тридцать две страницы, в том виде, в каком они до нас дошли, написаны не Веспуччи, что эти тексты, взволновавшие весь свет, не что иное, как чья-то безответственная и произвольная компиляция, которая самым грубым образом искажает рукопись Веспуччи. Этот *deus ex machina* ⁴⁷, которого зовут профессором Маньяги [49], совсем по-новому ставит вопрос, и, для того чтобы поставить его правильно, сперва переворачивает его вниз головой. Если некоторые и признавали, что Веспуччи, во всяком случае, сам написал книги, распространяемые под его именем, и лишь сомневались в том, действительно ли он совершил описанные в этих книгах путешествия, то Маньяги утверждает, что хотя Веспуччи и совершал плавания, но весьма сомнительно, чтобы он сам написал свои книги в том виде, в каком они существуют в настоящее время. Следовательно, не Веспуччи похвалялся ложными достижениями, а под прикрытием его имени было учинено и написано много безобразного. Поэтому, если мы хотим справедливо судить о Веспуччи, мы должны – и это самое правильное, – отложив в сторону обе его знаменитые напечатанные работы: «*Mundus Novus*» и «*Quatuor Navigationes*», – опираться лишь на три оригинала его писем, которые защитники Веспуччи без всякого на то основания объявили поддельными.

Утверждение, что Веспуччи нельзя считать в полной мере ответственным за распространяемые под его именем тексты, вначале озадачивает. Что же тогда остается от славы Веспуччи, если даже эти книги написаны не им? Но при более внимательном рассмотрении тезис Маньяги оказывается не таким уж новым. В действительности подозрение о том, что фальсифицировал отчет о первом плавании Веспуччи вовсе не он сам, а кто-то неизвестный, воспользовавшийся его именем, так же старо, как и первое обвинение, выдвинутое против него. Припоминают, что епископ Лас Касас был первым, обвинившим Веспуччи в том, что он своим лживым сообщением о никогда не совершенном плавании добился наименования Америки своим именем. Лас Касас обвинял Веспуччи в «хитрейшем обмане» и грубой несправедливости. Но если повнимательнее вчитаться в текст Лас Касаса, то при всех этих резких упреках постоянно обнаруживается определенная *reservatio mentalis* ⁴⁸. Лас Касас хоть и клеймит обман, но всегда осторожно пишет об обмане, к которому прибег Веспуччи «или те, кто опубликовал его „*Quatuor Navigationes*“». Следовательно, Лас Касас не исключал возможности, что незаслуженное возвеличение Веспуччи произошло без его ведома и участия. Так же и Гумбольдт [50], в отличие от профессиональных теоретиков не считающий любую напечатанную книгу непогрешимым евангелием, явственно выражает сомнение, не попал ли Веспуччи в эту передрагу, как Понтий Пилат в „Верую“. „Не совершили ли этого подлога без ведома Америго собирателя рассказов о путешествиях? – спрашивает Гумбольдт. – Или, может быть, это всего лишь следствие путаного изложения событий и неточных сведений?“

Итак, ключ был уже изготовлен, и Маньяги с его помощью только открыл дверь для новых наблюдений. Объяснение Маньяги кажется мне логически наиболее убедительным, так как оно совершенно естественно и просто разрешает все противоречия, занимавшие собой три столетия. С самого начала психологически неправдоподобно было уже то, что один и тот же человек описывал в своей книге плавание, совершенное им якобы в 1497 году, а в своем частном письме датировал это же путешествие 1499 годом; или то, что он якобы послал описания своих плаваний во Флоренцию двум разным людям, принадлежавшим к

⁴⁷ «Бог из машины» (лат.) – в античных пьесах бог, внезапно появившийся и разрешавший все противоречия.

⁴⁸ Мысленная оговорка (лат.).

тому узкому кругу, где письма передавались из рук в руки, причем эти описания, помеченные разными датами, содержали противоречивые подробности. Маловероятным было и то, что человек, проживавший в Лисабоне, якобы переслал эти письма именно какому-то захолустному князьку в Лотарингию и что его труд был напечатан в таком оторванном от мира городке, как Сен-Дье. Если бы Веспуччи сам издал или собирался издать свои «произведения», то он по меньшей мере дал бы себе труд устранить до *imprimatur* ⁴⁹ наиболее грубые, бросающиеся в глаза противоречия. Мыслимо ли, например, чтобы сам Веспуччи, с совершенно несвойственной ему высокопарностью, полностью противоречащей тону писем, написанных его собственной рукой, лично сообщал Лоренцо Медичи, почему он свое путешествие в «Mundus Novus» называет третьим, – «потому что до него я уже совершил два плавания на запад по поручению светлейшего короля Испании» (*Vostra Magnificenza sapra come per commissione de de questo Rй d'Ispagna mi parti* ⁵⁰).

Кому же сообщает Веспуччи удивительную новость о том, что он уже совершил ранее два плавания? Своему хозяину, которому он прослужил в качестве корреспондента почти десять лет и кто, следовательно, должен был с точностью до дня и часа знать, предпринимал ли его фактор длительные путешествия и когда именно: ведь понесенные расходы, равно как и полученные от этих путешествий прибыли, должны быть внесены в расходные книги. Это столь же бессмысленно, как если бы некий автор, посылая новую книгу своему издателю, который уже в течение десяти лет неизменно публиковал его произведения и производил с ним расчет, заявил бы ему, что это, дескать, не первая его книга и он уже и прежде печатался. Подобные нелепости и противоречия пестрят на страницах печатного текста книги Веспуччи – нелепости и противоречия, которые никак нельзя приписывать самому Веспуччи. Вот почему наиболее правдоподобным является предположение Маньяги о том, что три письма Веспуччи, найденные в архивах и до сего времени отвергавшиеся его защитниками как поддельные, в действительности, будучи написаны рукой самого Веспуччи, являются единственными достоверными документами, а прославленные произведения «Mundus Novus» и «Четыре плавания» следует считать недостоверными публикациями, в которых содержатся всевозможные добавления, изменения и искажения.

Однако было бы грубым преувеличением, исходя из этого, безоговорочно называть «Четыре плавания» подделкой, так как в них все же, несомненно, использованы подлинные материалы, написанные рукой Веспуччи. Неизвестный издатель проделал примерно то, что делают владельцы антикварных лавок, когда они из подлинного ларца эпохи Возрождения, умело используя настоящие и поддельные материалы, мастерят два-три ларца, а то и целый гарнитур, вследствие чего тот, кто отстаивает подлинность этих вещей, так же неправ, как и тот, кто называет их поддельными. Флорентийский издатель, из осторожности скрывший свое имя, безусловно, имел в руках письма Веспуччи, адресованные торговому дому Медичи, – те три известных нам письма да, вероятно, и другие, которые нам неизвестны. Издатель, разумеется, знал о том огромном успехе, который имело письмо Веспуччи о его третьем путешествии, о «Mundus Novus», вышедшем; в течение нескольких лет в двадцати трех изданиях на многих языках! Поэтому нет ничего удивительного, что для издателя, знавшего и о других сообщениях – будь то подлинники или копии, – было очень соблазнительно выпустить новую книжку Веспуччи: «Собрание отчетов о путешествиях». Но так как имевшегося материала не хватало для того, чтобы противопоставить четыре плавания Веспуччи четырем плаваниям Колумба, анонимный издатель решил «растянуть» материал. Прежде всего он разделил знакомое нам сообщение о плавании 1499 года на два сообщения: одно о плавании, якобы совершенном в 1497 году, и другое – в 1499 году, нисколько не подозревая, что из-за этого обмана Веспуччи будет на целых три столетия

⁴⁹ Напечатания (лат.).

⁵⁰ «Ваше величество узнает, как я ездил по поручению этого короля Испании» (итал.).

заклеймен как лгун и мошенник. Кроме того, издатель добавил в свою книгу различные подробности, взятые из писем и отчетов других мореплавателей, и благополучно получил своего рода *mixtum composition* – сложную смесь из правды и лжи, которая на сотни лет стала головоломкой для ученых и дала Америке ее название «Америка».

Пожалуй, тот, у кого эта догадка вызовет сомнение, может возразить: да мыслимо ли вообще такое дерзкое вмешательство, чтобы, не испрашивая согласия автора, дополняли его произведение, произвольно вводя в него всяческие выдумки? Но вот случай, позволяющий доказать возможность такого беззастенчивого вмешательства именно в отношении Веспуччи. Годом позже – в 1508 году – один голландский печатник издает поддельный отчет о пятом путешествии Веспуччи, прибегая к самой грубой фальсификации. Точно так же, как письма Веспуччи послужили неизвестному флорентийскому издателю материалом для книги «Четыре путешествия», так и голландский издатель использовал для своей фальсификации описание путешествия одного тирольца, Вальтасара Шпренгера, ходившее в рукописи по рукам. Издатель попросту заменяет повсюду слова оригинала: «Ego, Balthasar Sprenger»⁵¹ словами: «Ick, Alberigus»⁵², дабы заставить публику поверить, что это описание путешествия принадлежит самому Веспуччи. И действительно, столь наглая подделка даже четыреста лет спустя ввела в заблуждение председателя Географического общества в Лондоне, в 1892 году с великой торжественностью объявившего, что им обнаружено пятое путешествие Веспуччи.

Почти нет сомнения – и это проясняет запутанную дотолем ситуацию, – что выдуманное сообщение о первом плавании, равно как и все другие противоречия, из-за которых Веспуччи столь длительное время обвиняли в злостном обмане, вовсе не следует приписывать ему, а должно отнести за счет беззастенчивости издателей и печатников, которые, не спрашивая разрешения автора, сдабривали частные письма Веспуччи всевозможными приправами собственного изготовления и в таком виде пускали в печать. Но против такого толкования вопроса, которое вносит в него полную ясность, противники Веспуччи выдвигают еще одно – последнее – возражение. Почему же, спрашивают они, Веспуччи, который умер в 1512 году и, следовательно, не мог не знать об этих книгах, где ему приписывали путешествия, которых он никогда не совершал, ни разу открыто не выступил против этого? Разве не должен был он ясно и во всеуслышание заявить: «Нет, не я являюсь первооткрывателем Америки, этой страны, которую несправедливо назвали моим именем»? Разве не повинен в обмане тот, кто не протестует против лжи, идущей ему на пользу?

На первый взгляд это возражение кажется убедительным. Но зададимся и другим вопросом: где же мог возражать Веспуччи? В какую инстанцию мог он направить свой протест? В те времена еще не знали, что такое литературная собственность; все, что было напечатано или распространялось в рукописи, было общим достоянием, и каждый мог пользоваться чужим именем и чужим произведением, как ему заблагорассудится. Где мог протестовать Альбрехт Дюрер против того, что десятки гравиров ставили его столь популярную подпись «А. Д.» на своих собственных изделиях; куда могли заявить протест авторы первого варианта «Короля Лира» или «Гамлета», когда Шекспир брал и произвольно переделывал их пьесы? Где, в свою очередь, мог возражать Шекспир против того, что чужие пьесы выходили под его именем? А Вольтер – против тех, кто, желая заставить публику читать свои посредственные атеистические или философские памфлеты, издавал их под его всемирно известным именем? Как мог бороться Веспуччи против множества сборников, которые всякий раз по-новому искажая тексты, разносили по свету его незаслуженную славу? Единственно, что мог сделать Веспуччи, это объяснять свою непричастность ко всему

51 Я, Бальтазар Шпренгер (лат.).

52 Я, Альбериг (старонем.).

этому тем людям, с которыми он встречался в своем кругу.

А в том, что он так и поступал, нет никакого сомнения. В 1508 или 1509 годах по крайней мере единичные экземпляры книг Веспуччи должны были, безусловно, попасть и в Испанию. И немыслимо, чтобы король назначил кого-либо, опубликовавшего ложные сообщения о не совершенных им открытиях, на столь ответственную должность, занимая которую человек обязан прежде всего обучать штурманов составлению точных и достоверных донесений. Несомненно, что избранный королем человек должен был быть чист от всяких подозрений. Более того, как уже точно установлено, одним из первых владельцев книги «*Cosmographiae Introductio*» был Фернандо Колумбо [51], сын адмирала. Экземпляр с его пометками сохранился и до нашего времени. Он не только читал эту книгу, в которой вопреки истине утверждалось, что Веспуччи ступил на материк раньше Колумба, но и сделал на полях книги свои замечания, на полях той самой книги, где впервые предлагалось назвать новую страну Америкой. И странно, что в написанной им биографии отца Эрнандо Колон, обвиняющий кого угодно в зависти к великому адмиралу, ни единым дурным словом не отзывается о Веспуччи. Уже Лас Касас удивлялся этому умолчанию. «Я изумлен, – пишет он, – что дон Эрнандо Колон, сын адмирала, человек правильных суждений, имеющий, насколько мне известно, книгу Веспуччи «*Navigaciones*»⁵³ обошел полным молчанием несправедливость и узурпирование, содеянные Америго Веспуччи в отношении его сиятельного отца». И ничто не говорит о невинности Веспуччи яснее, чем молчание сына о том злосчастном искажении текста, из-за которого его отец был лишен заслуженной славы и не дал своего имени открытому им Новому Свету: сын Колумба знал, это произошло без ведома и желания Веспуччи.

Здесь была сделана попытка рассказать о «*Causa Vespucci*»⁵⁴, прошедшем столько инстанций, – рассказать о нем с возможно большей объективностью и хронологической точностью, начиная с момента самого возникновения этого вопроса. Основная трудность заключалась в том, что предстояло разрешить необычайное противоречие между человеком и его славой, человеком и его репутацией. Ибо совершенное Веспуччи деяние, как теперь известно, не соответствует его славе, а слава – его деянию. Между человеком, каким он был на самом деле и каким он предстал пред всем светом, существовала столь резкая разница, что оба портрета – биографический и литературный – оказались несовместимыми. И лишь после того как мы уясним себе, что слава Веспуччи явилась плодом постороннего вмешательства и запутанных случайностей, станет возможным рассмотреть его действительные достижения и его жизнь как нечто цельное и рассказать о них в их естественной взаимосвязи.

И тогда оказывается, что с безмерной славой связаны скромные заслуги и что жизнь этого человека, возбуждавшего, как немногие другие, и восхищение и неприязнь всего мира, в действительности не была ни великой, ни драматичной. Это ли не «Комедия случайностей», в которую, сам того не ведая, был вовлечен Веспуччи?

Америго Веспуччи – третий сын нотариуса Чернастазио Веспуччи – родился во Флоренции 9 мая 1451 года, то есть через сто тридцать лет после смерти Данте. Веспуччи происходил из почтенного, хотя и обедневшего семейства и получил обычное для его круга гуманистическое образование, характерное для раннего Возрождения. Он изучал латынь, но не владел ею настолько свободно, чтобы писать по-латыни; его дядя, фра Джорджо Веспуччи, доминиканский монах из Сан-Марко, передает ему некоторые научные познания по математике и астрономии. Ничто не говорит о выдающихся способностях или чрезмерном честолюбии молодого человека. В то время как его братья посещают университет, он довольствуется службой в банке Медичи, возглавляемом Лоренцо Пьеро Медичи (не

⁵³ «Плавания» (лат.) (то есть «Четыре плавания»).

⁵⁴ Деле Веспуччи (лат.).

смешивать с его отцом, Лоренцо Великолепным). Таким образом, во Флоренции Америго Веспуччи не считался выдающимся человеком и тем более крупным ученым. Его письма к друзьям свидетельствуют, что он был занят своими личными делами и скромными интересами. При ведении коммерческих операций в банке Медичи он тоже как будто не выдвинулся, и только случайность приводит его в Испанию. Подобно Вельзерам, Фуггерам и другим немецким и фламандским купцам, Медичи имели свои отделения в Испании и в Лисабоне. Они финансировали экспедиции в новые страны, стараясь получить необходимые сведения и прежде всего вкладывать свои капиталы туда, где они приносят больше всего прибыли. Но вот у хозяев явилось подозрение, что один из служащих их севильской конторы совершил растрату. А поскольку хозяева считают Веспуччи, так же как и все, с кем он имел когда-либо дело, человеком исключительно добросовестным и надежным, то 14 мая 1491 года этого мелкого служащего и посылают в Испанию, где он поступает в филиал фирмы Медичи – торговый дом Хуаното Беральди. И здесь, у Беральди, занятого главным образом снаряжением кораблей, положение Веспуччи также остается скромным. Веспуччи отнюдь не самостоятельный купец с капиталом и собственной клиентурой, хотя он и называет себя в письмах «Mercante florentino»⁵⁵, а всего лишь «фактор» конторы Беральди, который, в свою очередь, подчинен Медичи. Не занимая высокого положения, Веспуччи, однако, приобретает личное доверие и даже дружбу своего начальника. В 1495 году, чувствуя приближение смерти, Беральди назначает в завещании своим душеприказчиком Америго Веспуччи, которому после смерти Беральди и приходится заняться ликвидацией фирмы.

Таким образом, Веспуччи, которому уже почти пятьдесят лет, снова остается с пустыми руками. Видимо, ему не хватает капитала или желания самостоятельно и на свой риск продолжать дела Беральди. Чем занимался Веспуччи в Севилье в последующие 1497 и 1498 годы, в настоящее время установить нельзя, так как об этом не сохранилось никаких документов. Но, во всяком случае, – и это подтверждается более поздним письмом Колумба – Веспуччи жилось несладко, ибо только неудачами можно объяснить внезапную перемену в его жизни. Почти тридцать лет проработал умный работяга-флорентиец мелким служащим, всегда занятым чужими делами. Он не обзавелся собственным домом, у него нет ни жены, ни ребенка. На склоне лет он оказался одиноким, необеспеченным человеком. Но эпоха открытий дает смельчаку, способному рискнуть своей жизнью, единственную в своем роде возможность – одним рывком завоевать и богатство и славу. Это эпоха дерзких смельчаков и любителей приключений, с тех пор, пожалуй, более неведомых миру. И, подобно сотням и тысячам других неудачников, этот дотоле мелкий и, вероятно, даже обанкротившийся купец Америго Веспуччи пытается найти свое счастье, отправившись на корабле в Новую Индию. Когда в мае 1499 года Алонсо Охеда снаряжает по поручению кардинала Фонсеки заморскую экспедицию, Америго принимает в ней участие.

В качестве кого взял его с собой Алонсо Охеда, не совсем ясно. Несомненно лишь то, что фактор фирмы Беральди, занимавшийся снаряжением морских кораблей, постоянно имел дело с капитанами, кораблестроителями, поставщиками разных товаров и приобрел в силу этого некоторые профессиональные познания. Он досконально изучил корабль – от киля до кончика мачты. Как образованный флорентиец Веспуччи намного культурнее своих товарищей по плаванию; кроме того, он, по-видимому, заранее приобрел навигационные знания. Он учится пользоваться астрольбией и применять новые методы вычисления долготы, занимается астрономией, упражняется в составлении географических карт; поэтому можно предположить, что он участвовал в экспедиции Охеды в качестве кормчего или астронома, а не как простой маклер.

Но даже если предположить, что Америго Веспуччи участвовал в этой экспедиции не как кормчий, а как простой делец, то, во всяком случае, из многомесячного плавания он возвратился опытным специалистом. Не лишенный сообразительности и тонкой

⁵⁵ Флорентийским купцом (итал.).

наблюдательности, обладая большой любознательностью, Веспуччи, понаторевший в математических расчетах и рисовании карт, приобрел, видимо, за долгие месяцы плавания те особые качества, которые заметно выделяют его в кругу мореплавателей. И поскольку в Португалии готовится новая экспедиция в недавно открытые Кабралом области Бразилии, вдоль северного побережья которой проходил и Веспуччи в плавании с Охедой, то именно к нему обращается король с предложением сопровождать эту новую экспедицию в качестве кормчего, астронома или составителя карт. То обстоятельство, что король соседнего государства, где, право же, не было недостатка в собственных отличных кормчих и мореходах, пригласил именно Веспуччи, непреложно свидетельствует о высокой репутации этого дотоле неизвестного человека.

Веспуччи колеблется не слишком долго. Плавание с Охедой не принесло ему никакой прибыли. После всех опасностей и трудностей многомесячного путешествия он возвратился в Севилью таким же бедняком, каким уехал; у него нет должности, нет профессии, нет занятия, нет состояния, следовательно, ни в коей мере не является изменой Испании то, что он принял почетное предложение португальского короля.

Но и новое плавание не приносит Веспуччи ни выгоды, ни почета. Его имя столь же редко упоминается в документах, где говорится об этой экспедиции, как и имя командующего флотилией. Задача этого разведывательного плавания состояла в том, чтобы возможно дальше пройти вдоль побережья на юг и открыть уже давно разыскиваемый путь к «Островам пряностей». Ибо люди все еще одержимы иллюзией, что Земля Святого Креста, на которую наткнулся Кабрал, является не чем иным, как островом средней величины, и тот, кому посчастливится обогнуть его, сможет очутиться у Моллуков – этой сокровищницы пряностей и источника всех богатств. Историческая заслуга экспедиции, в которой участвовал Веспуччи, заключается в том, что она позволила впервые опровергнуть это заблуждение. Португальцы достигают тридцатого, сорокового, пятидесятого градуса южной широты, но все еще плывут вдоль берега. Ему нет ни конца, ни края. Давно остались позади жаркие края, становится все холоднее и холоднее, и вот уже морякам приходится отказаться от надежды обогнуть этот огромный новый материк, который, словно гигантская поперечная балка, преграждает им путь в Индию. Однако, приняв участие в неудавшемся, но тем не менее одном из самых смелых и значительных плаваний эпохи, о котором Веспуччи имеет полное право с гордостью оказать, что оно измерило четвертую часть света, этот дотоле никому не известный человек делает огромный вклад в географическую науку: Веспуччи привозит Европе сознание того, что новонайденная земля не есть Индия или какой-то остров, а что это «Mundus Novus» – новый материк, Новый Свет.

Не более успешно и следующее плавание, которое Веспуччи предпринимает опять-таки по поручению короля Португалии; цель плавания та же – найти восточный путь в Индию, то есть попытаться осуществить тот подвиг, который лишь впоследствии удалось свершить Магеллану. Правда, на сей раз флотилия спускается еще дальше на юг, оставив позади себя Рио де Ла-Плата, однако, гонимая бурями, она вынуждена вернуться. И еще раз Веспуччи, теперь уже на пятьдесят четвертом году жизни, возвращается в Лисабон таким же бедным, разочарованным – и как сам он считает – совершенно безвестным человеком, одним из многих, кто искал свое счастье в Новой Индии и так и не нашел его.

Но тем временем происходит нечто невероятное, чего Веспуччи, находясь под другим небом, на другом полушарии, не мог предвидеть, о чем не мог и мечтать: оказывается, именно он, скромный, безвестный и нищий мореход, взволновал умы всех ученых Европы. Каждый раз, возвратившись из плавания, он писал своему бывшему хозяину и личному другу Лоренцо Медичи письма, в которых правдиво и честно описывал все, что довелось ему увидеть в пути. Кроме того, он вел дневники и вручил их королю Португалии; как письма, так и дневники были исключительно личными документами и предназначались только для политической или торговой информации. Веспуччи никогда не приходила в голову мысль выдавать себя за ученого или писателя и считать свои частные письма литературными или научными произведениями. Веспуччи выразительно говорит, что во всем им написанном, как

он сам считает *di tanto mal sapore*⁵⁶, что не может решиться опубликовать это в столь незаконченном виде. Если же он один раз упоминает о плане задуманной им книги, то тут же прибавляет, что хочет издать ее лишь «при помощи ученых людей». И только тогда, когда он «уйдет на покой», *quando saro de riposo*⁵⁷, чтобы после смерти снискать некоторую славу – *qualche fama*. Но, сам того не ведая и уж, конечно, ничего для этого не предпринимая, он, странствующий в эти дни в чужих морях, нежданно и словно с черного хода приобрел славу великого писателя и самого ученого географа своей эпохи. То письмо к Лоренцо Медичи, в котором Веспуччи описывал свое третье плавание, было переведено на латинский язык, затем весьма вольно отредактировано, стилизовано под научный отчет и, появившись в печати под заглавием «*Mundus Novus*», произвело невероятную сенсацию. С того момента, как эти четыре печатных листа выпорхнули в свет, во всех городах и гаванях знают, что вновь открытые земли совсем не Индия, как предполагал Колумб, а Новый Свет и что именно Альберик Веспуттий первым поведал миру эту чудесную истину. Но человек, которого вся Европа считает образованнейшим ученым и наиболее отважным из всех мореплавателей, ничего не ведает о своей славе и старается найти такое место, которое обеспечило бы ему наконец скромное спокойное существование. Уже будучи в годах, Веспуччи женится и окончательно отказывается от столь утомительных приключений и плаваний. Наконец на пятьдесят седьмом году жизни осуществляется его заветное желание. Он достиг того, к чему стремился всю свою жизнь: получив должность главного кормчего *Casa de Contratación* с окладом в пятьдесят тысяч, а позже в семьдесят пять тысяч мараведисов, он зажил мирной жизнью обывателя. С этого времени новоявленный Птолемей не больше и не меньше как обыкновенный чиновник короля – один из многих почтенных королевских чиновников в Севилье.

Было ли Веспуччи в последние годы его жизни известно о той славе, которая выросла вокруг его имени вследствие недоразумений и ошибок? Подозревал ли он когда-нибудь, что новую землю, лежащую по ту сторону океана, хотят назвать его именем? Возражал ли он против этой незаслуженной славы, высмеивал ли ее, или только тихо и скромно сказал своим ближайшим друзьям, что не все происходило так, как печатают в книгах? Мы знаем лишь одно, а именно, что эта невероятная слава, которая, подобно урагану, пронеслась через моря и горы, прокатилась через многие страны и, прозвучав на разных языках, докатилась даже до Нового Света, не принесла самому Веспуччи никакой, даже самой ничтожной, осязаемой выгоды. Он остается таким же бедняком, каким был и в первый день своего приезда в Испанию; и когда 22 февраля 1512 года Веспуччи скончался, его вдове пришлось униженно просить о назначении ей минимальной годовой пенсии в десять тысяч мараведисов. Единственно, что осталось ценного после Веспуччи, это дневники его путешествий. Лишь они могли бы открыть нам всю правду, но дневники эти попали к племяннику Веспуччи, хранившему их так небрежно, что они навсегда для нас потеряны, как и многие другие драгоценные документы эпохи открытий. Ничего не осталось от трудов этого скромного, сдержанного человека, кроме сомнительной и не по праву присвоенной ему славы. Одно ясно – человек, заставивший ученых в течение четырех столетий решать одну из самых сложных проблем, сам, по существу, прожил весьма несложную, бесхитростную жизнь. Решимся же утверждать следующее: Веспуччи был не более как человеком посредственным. Он не был первооткрывателем Америки, не был *amplificator orbis terrarum*⁵⁸, но не был равным образом и обманщиком, каким его ославили. Он не был великим писателем, но и не воображал, что является таковым. Веспуччи не выдающийся ученый, он не

⁵⁶ Так мало вкуса (итал.).

⁵⁷ Когда буду отдыхать (итал.).

⁵⁸ Тем, кто расширил земной круг (лат.).

глубокомысленный философ, и не астроном Коперник, и не Тихо де Браге [52]; и, пожалуй, даже слишком смело ставить его в первый ряд великих мореплавателей, потому что нигде его печальная судьба не позволила ему проявить собственную инициативу. Ему не доверили флотилии, как Колумбу и Магеллану; занимая различные должности, Веспуччи всегда был лицом подчиненным и не имел возможности самостоятельно что-либо исследовать, открывать, приказывать или руководить. Он всегда был во втором ряду, заслоненный чужой тенью. И если, не смотря ни на что, сверкающий луч славы пал имению на него, то это произошло не в силу его особых заслуг или особой вины, а из-за своеобразного стечения обстоятельств, ошибок, случайностей, недоразумений. То же самое могло произойти с любым другим участником того же плавания, рассказывавшим о нем в своих письмах, или со штурманом какого-нибудь соседнего корабля. Но история не позволяет спорить, она выбрала именно его, и ее решение, пусть даже ошибочное, пусть несправедливое, – бесповоротно. Два слова «Mundus Novus», которыми сам Веспуччи или неизвестный издатель озаглавил его письма и «Четыре путешествия», – причем даже не установлено, во всех ли плаваниях он принимал участие, – ввели Веспуччи в гавань бессмертия. Никогда уже его имя не будет вычеркнуто из книги человеческой славы, и, пожалуй, всего точнее можно определить его заслуги в истории мировых открытий парадоксом: Колумб открыл Америку, но не знал этого, Веспуччи ее не открывал, но первым понял, что Америка – новый континент. Это единственное достижение Веспуччи связано со всей его жизнью, с его именем. Ибо никогда сам по себе подвиг не является определяющим, а решающее значение имеют осознание подвига и его последствия. Человек, который рассказывает о подвиге и поясняет его, может стать для потомков более значительным, чем тот, кто его совершил. И в не поддающейся расчетам игре исторических сил малейший толчок может зачастую вызвать сильнейшие последствия. Кто ждет от истории справедливости, тот требует от нее большего, чем она намерена дать: она часто дарует среднему человеку славу подвига и бессмертие, отбрасывая самых лучших, храбрых и мудрых во тьму безвестности.

И все же Америке не следует стыдиться своего имени. Это имя человека честного и смелого, который уже в пятидесятилетнем возрасте трижды пускался в плавание на маленьком суденышке через неведомый океан, как один из тех «безвестных матросов», сотни которых в ту пору рисковали своей жизнью в опасных приключениях. И, быть может, имя такого среднего человека, одного из безыменной горстки смельчаков, более подходит для обозначения демократической страны, нежели имя какого-нибудь короля или конкистадора, и, конечно же, это более справедливо, чем если бы Америку называли Вест-Индией, или Новой Англией, или Новой Испанией, или Землей Святого Креста.

Это смертное имя перенесено в бессмертие не по воле одного человека; то была воля судьбы, которая всегда права, даже если нам кажется, что она поступает несправедливо. Там, где приказывает эта высшая воля, мы должны подчиниться. И мы пользуемся сегодня этим словом, которое придумано по воле слепого случая, в веселой игре, как само собой разумеющимся, единственно мыслимым и единственно правильным – звучным, легкокрылым словом «Америка».

ПРИМЕЧАНИЯ

Книга «Америго. Повесть об одной исторической ошибке» была напечатана в издательстве Берман-Фишер в 1944 г. Работу над ней Цвейг завершил незадолго до смерти.

[1] Трирема – древнее гребное судно с тремя ярусами весел.

[2] Сиена – город в Италии. Сиенский университет был основан в XIII в.

[3] Кубла-хан (Хубилай) (1216-1294) – внук Чингис-хана, монгольский император, с которого начинается в Китае монгольская династия Юань. Марко Поло пробыл при дворе Кубла-хана с 1275 по 1292 г.

[4] Тапробан (Тапробана) – под таким именем был известен древним грекам Цейлон.

[5] Оттоманы (османы) – старое название анатолийских турок (по имени султана Османа I).

[6] Руми – то есть люди из Рума, как арабы называли Византийскую империю. Впоследствии это название распространилось на всех христиан.

[7] Идриси (Едриси) (ок. 1100 – ок. 1166) – арабский географ при дворе Роджера II. Его основная работа – описание мира, известная под различными заглавиями, представляет большой интерес для истории географии. До нас также дошли две его карты.

[8] Счастливые острова (Блаженные острова и т. д.). – Этим названием греки, очевидно, обозначали Канарские острова.

[9] Нуњу Триштан (ум. 1447) – португальский мореплаватель. В 1443 г. обогнул мыс Бланко (Белый Мыс). В 1447 г. высадился на африканском материке напротив островов Бисагуш. Был убит во время охоты на негров.

[10] Диаш Диниш – в 1445 г. открыл Зеленый Мыс (мыс. Верде). Вошел в устье Сенегала, который считал западным притоком Нила.

[11] Зайтун – средневековое название китайского города Цюаньчжоу, где побывал Марко Поло. Находится в Тайваньском проливе, северо-восточнее Амоя.

[12] Медичи Пьетро (1471-1503) – флорентийский торговец и политический деятель, сын Лоренцо Медичи.

[13] Синьория – совет при венецианском доже, который возглавлялся гонфалоньером (знаменосцем).

[14] Эдипов комплекс – по теории Фрейда, сексуальное влечение ребенка к родителю противоположного пола.

[15] В Германии начинают объединяться крестьяне... – Конец XV и начало XVI века были ознаменованы усилением борьбы немецкого крестьянства против феодального гнета. Под руководством союза «Башмак» было организовано несколько восстаний. Это освободительное движение вылилось в крестьянскую войну 1525 г.

[16] Гуанахани – остров, где впервые высадился Колумб, который назвал его Сан-Сальвадор (Св. Спаситель). Полагают, что это был остров Уотлингс.

[17] Содерини Пьетро (1452-1522) – гонфалоньер Флоренции, фаворит Медичи.

[18] Рене II (1451-1508) – лотарингский герцог, внук Рене I. Числился владельцем больших территорий, которыми в действительности никогда не управлял.

[19] Д'Айи Пьер (1350-1420) – французский кардинал, яростный гонитель еретиков. В одном из своих многочисленных произведений, «Зерцале мира», доказывал, что земля является шаром. Один из экземпляров книги имелся у Колумба, который сделал на ее полях многочисленные пометки.

[20] Вальдземюллер Мартин (псевд. Хилакомилус – перевод фамилии на греческий и латинский языки) (р. между 1470-75 – ум. 1522) – немецкий математик и географ. Экземпляр его «Введения в космографию» был обнаружен в 1900 г. в Вюртемберге.

[21] Рингманн Маттиас (Филезиус) (1482-1511) – поэт и грамматист. Им выпущена «Образная грамматика», в которой различные части речи были представлены в виде образов.

[22] Базен Жан (ум. ок. 1522) – лотарингский литератор и священник.

[23] Максимилиан I Габсбург (1459-1519) – император так называемой «Священной Римской империи» в период 1493-1519 гг.

[24] Бермудес Хуан (ум. 1570) – португальский мореплаватель, открывший в начале XVI столетия острова, названные в его честь Бермудскими. Был патриархом при дворе абиссинского негуса Давида III.

[25] Тасман Абель Янсон (1603-1659) – нидерландский мореплаватель. Обнаружил в Тихом океане остров, который назвал землей Ван-Димена (позднее Тасмания).

[26] Гриней Симон (1493-1541) – немецко-швейцарский филолог и богослов. Отыскал последние пять книг Тита Ливия.

[27] Мюнстер Себастьян (1489-1522) – немецкий географ, филолог и математик. Издал «Всеобщую космографию», в которой содержится описание мира.

[28] Меркатор Герхард (1512-1594) – фламандский географ. По заданию Карла V изготовил глобусы земли и неба. В карте 1568 г. применил проекцию, которую мы знаем как «проекцию Меркатора». Им был приготовлен большой атлас.

[29] Эльдorado – легендарная страна, изобилующая золотом, которую испанские завоеватели пытались найти в Южной Америке.

[30] Кинсай – один из крупнейших городов средневекового Китая. Его посетил Марко Поло, которому принадлежит это искаженное название Ханчжоу.

[31] Де Коса Хуан (ок. 1460-1510) – испанский мореплаватель, кормчий Колумба в путешествиях 1492 и 1493 гг. Совершил несколько плаваний к берегам Южной Америки с Охедой и Бастидасом. Его карта Америки – одна из старейших.

[32] Бобадилья Франсиско де (ум. 1502) – чиновник, посланный в 1500 г. на Эспаньолу для расследования обвинений против Колумба. Руководствуясь тайными инструкциями короля, заковал Колумба в кандалы и отправил в Испанию.

[33] Рамузио (Рамугно) Джованни Батиста (1485-1557) – итальянский историк и географ. Опубликовал книгу «Морские и сухопутные путешествия».

[34] Сервет Мигель (р. между 1509-1511 – ум. 1553) – испанский врач и философ. Им описан легочный (малый) круг кровообращения. За критику религиозных догм был сожжен по настоянию Кальвина на костре.

[35] Гарвей (прав. Харви) Уильям (1578-1657) – английский врач-анатом, открывший и исследовавший процессы кровообращения.

[36] Лас Касас Бартоломе (1474-1566) – испанский священник, биограф Колумба. Горячо вступался за индейцев, варварски истреблявшихся колонизаторами. Его «Всеобщая история Индии» была впервые напечатана в 1875 г.

[37] «Парнас» – залив между островом Тринидад и южноамериканским материком, открытый Колумбом в его третьем плавании. Это название иногда употреблялось по отношению ко всей Америке.

[38] Охеда Алонсо (ок. 1462 – ок. 1515) – испанский мореплаватель, участвовал во втором путешествии Колумба. Вместе с Веспуччи и Де Коса обследовал в 1499 г. берега Гвинеи и Венесуэлы.

[39] Эррера Антоньо де (ок. 1559-1625) – испанский летописец. Филипп II назначил его главным историографом Индии. Его история Америки в восьми декадах представляет значительную ценность.

[40] Пинту Мендиш (ок. 1509-1583) – португальский путешественник. За свою книгу о поездке в Китай и Японию был прозван «принцем лжи». Однако в дальнейшем исследователи установили несправедливость возведенного против него обвинения. В настоящее время его добросовестность считается установленной.

[41] Монастырь Рабида – испанский монастырь близ Палоса. Колумб несколько раз бывал в этом монастыре.

[42] Бейль Пьер (1647-1706) – французский философ, предшественник просветителей. В своем «Историческом и критическом словаре» выступил убежденным сторонником атеизма.

[43] Бандини Аньоло Мария (1726-1803) – ученый и библиограф. Автор работы «Жизнь и письма Америго Веспуччи, флорентийского дворянина» (1745 г.).

[44] Бартолоцци Франческо (1727-1813) – итальянский гравер. С 1802 г. – президент Португальской академии. Среди его работ выделяется серия гравюр к произведениям Гверчино.

[45] Кановаи Станислав (1740-1811) – итальянский священник, занимавшийся математикой и историей.

[46] Сын Дьего (ок. 1480-1526) – сын Христофора Колумба. В 1509 г. – губернатор Эспаньолы. Был отозван Индийским советом для защиты от выдвинутых против него обвинений. Был оправдан, но в должности не восстановлен.

[47] Мендес Дьего – участник четвертого путешествия Колумба, горячий приверженец

адмирала.

[48] Лепе Дьего – испанский мореплаватель. В 1500 г. достиг восточной оконечности Южной Америки.

[49] Маньяги Альберто (1874-1945) – итальянский географ. Им написано несколько монографий о великих мореплавателях, в том числе и «Америго Веспуччи» (Рим, 1926).

[50] Гумбольдт Александр (1769-1859) – выдающийся немецкий путешественник и естествоиспытатель. Путешествовал по Южной и Средней Америке. Побывал на Алтае и Урале. Результаты своих исследований изложил в тридцати трех томах. Внес много ценного в разработку вопроса о Веспуччи.

[51] Колумбо Фернандо (Эрнандо Колон) (1488-1539) – незаконнорожденный сын Колумба. Ездил вместе со своим отцом в четвертое путешествие. Собрал библиотеку в двадцать тысяч томов («Колумбиана»). Написанные им история Индии и биография его отца утеряны. Отрывки из них Лас Касас включил в свою книгу.

[52] Браге Тихо де (1546-1601) – датский астроном. Его исключительные по своей точности астрономические наблюдения позволили Кеплеру вывести законы движения планет.

Ю. Шейнин, А. Ибрагимов